

Рыжаков Алексей

Чёрный Магистр

18+

Алексей Николаевич Рыжаков

Чёрный Магистр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63740091

SelfPub; 2021

Аннотация

В данном авторском сборнике представлены результаты творческих экспериментов автора, охватывающие как школьные годы (первые рукописные стихи) и студенчество (лирические повести и поэмы "Пьяная сага", "Сердешный роман", "Снегопад" и "Четыре стены"), так и период научной деятельности (поэма "Чёрный Магистр" и проза "Безбилетники", "Поле брани" и "Андергроб"). Также в данное собрание включена последняя работа автора, к сожалению, так и неоконченная, – поэма "Предатели".

Содержание

Черный Магистр	4
xxx	5
Глава первая. Излучина	6
Глава вторая. Кровь	25
Глава третья. Кладовест	42
Глава четвертая. Безразличие	57
Глава пятая. Разговор	68
Глава шестая. Дневник	82
Глава седьмая. Ложь	93
Глава восьмая. Порог	104
Глава девятая. Deux ex machina	119
Глава десятая. Апофеоз	134
Черный Магистр 2: Черное Море	138
Четыре стены	149
Сердешный роман	165
Снегопад	189
Конец ознакомительного фрагмента.	206

Алексей Рыжаков

Чёрный Магистр

Черный Магистр

(поэма)

XXX

Что вы держите в руках?
Скопление рифмы неумелой –
Это работы результат,
Как плод ещё не очень спелый.

Это итог моей игры,
Игры в слова. В слова и действо.
Я сочинил свои миры,
Как ранее в счастливом детстве.

Я не хотел вам ничего
Сказать там или донести,
Я просто так играл и всё,
И потому тут не найти
Ни смысла, ни морали. Нет,
Тут лишь набор картинок.
Вот на вопрос вам мой ответ.
Ну, если всё – смотрите...

Глава первая. Излучина

Нет, дождь не лил – светило солнце,
Свет радость нёс своим теплом,
И потому всё – ещё горше,
И кажется кошмарным сном.

Врач был добр и учтив,
И голос вкрадчивый его,
Когда он заговорил,
Перечеркнул Сергею всё.

– Сказать по правде – это странно,
То, что с тобой произошло.
Ответ мы ищем неустанно,
Но в результате – ничего.

Мне очень жаль, но мы бессильны,
Мы ведь не боги – люди только...
Казалось сердце вдруг застыло,
И вымолвил Сергей: И сколько?

– Неделя, две – коль повезёт.
Ты словно свечка прогоришь...
Кто думать мог, что так уйдёт?

И что сказать? И ты молчишь.

И он встаёт. – Спасибо, – говорит,
И за собой дверь закрывает.
Больничный коридор шумит,
Но этого Сергей не замечает.

Больницы корпус покидает,
Взгляд свой бросает на часы,
О своих планах забывает –
Отныне планы позади.

Сергей сел на скамейку –
Ему вдруг стало дурно.
Рецепты, справки, документы,
Не думая, швырнул он в урну.

Всю изменили его жизнь,
Сказать точнее зачеркнули.
В округе сотни же машин
Неслись туда-сюда, и люди
Все просто мимо проходили,
Стремясь решить свои дела.
Рутинa непоколебима,
И солнце светит как всегда.

Нет, он не мог поверить,
Не мог он осознать,
Не мог понять, что делать,
И как существовать.

Всего лишь две недели,
И мир исчезнет, он уйдёт.
Каких-то две недели,
И попросту Сергей умрёт.

И ноги сами понесли,
Дорога в никуда вела.
Как же могло произойти
Такое? В чём его вина?

Он шёл по улице бездумно,
Куда идёт, не сознавая.
Но это вовсе и не нужно –
Шептало время, утекая.

И вот Сергей пришел в себя,
Остановился, замер,
От дум ушёл, поднял глаза,
Куда попал представил.

Трамвайные пути лежали шрамом

На этой улице. Заборы
Косые да дышащие на ладан,
Окружали дом за домом.

Пытаясь выбраться отсюда,
Сергей пустился по дворам
Каким-то грязным и безлюдным.
«Куда я, чёрт возьми, попал?»

Мощённая разбитая дорожка
Его к какой-то арке привела,
И навстречу осторожно
Кто-то вышел, не спеша.

Высокий человек в плаще,
Чернее тёмной ночи цвета,
Шёл медленно, шатался как во сне.
Его как будто телепало ветром.

Словно зола черны на голове
Его густые пряди,
И кожа белая больная на лице
Ещё белее будто от наряда.

Вдруг незнакомец оступился
И точно на земь бы упал,

Но Сергей поторопился
Его на́ руки впоймал.

– Эй! Чёрт возьми! Что с вами? –
Сергей в беспокойстве воскликнул.
И тут незнакомец странный
Его по имени окликнул.

Что-то тихо прошептал
Но слов, увы, не разобрать.
– Эй, кто-нибудь! – Сергей позвал
Но смысла не было кричать.

Сергею помощь не сыскать –
Двор тишиною оглушал.
Он снова опустил свой взгляд
А там... чудовищный оскал!

На пол лица акулы зубы
И рот улыбкою застыл –
Кровавой полосой губы.
Сергей от ужаса вскочил.

А! Это маска! Твою мать!
Сергей испуган, еле дышит.
Её, не медля, надо снять,

Иначе слова не услышать.

Он прикоснулся к ней, но столь
Пронзительным был её холод!
Он яркой вспышкой вызвал боль,
И Антарктидой стал весь город.

А незнакомец, лёжа на земле,
Старался что-то рассказать.
Он словно бормотал во сне,
Но смыслу шепота не внять.

Сергей сел рядом и сказал
– Сейчас... я скоро... да... я быстро.
И тут сквозь шепот услышал:
– Не бойся... не надо... Магистры...

«Магистры? Что за чепуха?
Бедняга этот, верно бредит».
И маску он сорвал с лица,
И глазам своим не верит

Ведь под личиной пустота! –
Весь незнакомец испарился!
Коль маску не сжимала бы рука
Сергей с рассудком бы простился...

Заставив дома загудеть
Трамвай, скрепя, проехал звонко.
Какой-то странный человек
Посмотрел ему вдогонку.

Переступил спокойно рельсы
И к арке двинулся знакомой.
Здесь оглядел он всё неспешно,
Незнамо чем и кем влекомый

Плащ белоснежностью слепил,
С белилами волос сливаясь.
Он шёл вальяжно, не спешил,
Земли как будто не касаясь.

Опять трамвай пронёсся мимо
И резким ветром всё обдал.
Порыв сей волосы откинул,
Открыв чудовищный оскал
Белесой маски незнакомца,
Несущей первобытный страх.
Сей образ не забудешь просто –
Он возвращается во снах.

Ещё секунду постоял
И незнакомец двинул прочь.
– Плевать, – чуть слышно прошептал.
На город опускалась ночь...

Сергей шёл медленно домой
И объяснение искал
Тому, что в арке было той,
Но ничего не понимал.

Быть может это лишь виденье?
Галлюцинация была?
И проявление болезни,
От которой смерть ждала?

Но очутившись сейчас дома,
Он вспомнил срок свой – две недели.
И безысходность эта снова
Душой его всей завладела.

Всё то, что в жизни он любил,
О чём мог думать и мечтать,
Всему тому уже не быть,
Кто в силах это осознать?

Он медленно прошёл по дому,
Свыкаясь с этим страшным фактом,
Смотря на книги, диски, фото.
И вдруг в бессилии заплакал.

Стал незаметно вспоминать
Ту жизнь, что быстро пролетела.
Что было с ним в те двадцать пять?
Чего достиг? Чего он хотел?

И быстро к выводу пришёл,
Что жить то не успел начать,
Что только начиналось всё,
А оно – раз и умирать

Потом о своих близких вспомнил –
О родителях, друзьях.
Сказать ли им о приговоре?
И видеть жалость в их глазах?

Увольте. Нет уж. Ни за что!
Он делать этого не станет.
Да, уже скоро он умрёт,
Но пусть они о том не знают.

И вот вопросом задался –

А как теперь жить дальше?
Хотя, постоит – доживать,
Не представлял он даже.

И тут Сергей взглянул на маску,
И в свои руки её взял
С каким-то трепетом и лаской,
И тут он чётко осознал,
Что телом больше не владеет,
Но если б и хватило сил,
Он ничего не стал бы делать
И к лицу маску прислонил.

Вспышка яркого света и боль,
Миг сладострастной горькой муки.
Сергей издал кошмарный вой,
Но он вдруг стих, как стихли звуки.

Ни стука сердца, ни дыханья –
Всё поглотила белизна.
И даже боль, её стенанья,
Сбежали следом в никуда.

И тут возник пред его взором
Беловолосый человек.
В его глазах читалась злоба –

Она видна сквозь полог век.

И лишь потом сообразил
Сергей, что видит ту же маску.
На ней знакомый лик застыл,
И кто-то будто стёр все краски.

И вот Белесый произнёс:
– Не в силах ты мне помешать,
Магистр Чёрный, ты умрёшь!
И возвратилась боль назад.

Она скопилась в сердце комом,
Нутро Сергея раздирает.
В ушах звенит кровавый гомон.
Он ничего не понимает.

Сергей увидел страшную картину,
Вниз опустив свой взгляд.
Грудь превратилась в алую пучину –
Её пронзил стальной булат.

Кровь по нему струёй бежала,
И лезвие, с запястья путь начав,
Ладонь как будто продолжало,
Вонзившись в сердце по рукав.

И белизна сменилась тьмой,
Боль снова ядом обожгла,
До слуха вновь донёсся вой.
И он открыл свои глаза

И очутился Сергей дома.
От ужаса нет сил дышать!
И сказал, сорвавшись стоном:
– Я не хочу... умирать...

Сергей стоял на тротуаре.
Среди людей он словно тень.
Они все шли, куда им надо,
И чередом своим тёк день.

А Сергей стоял и слушал
Сердца стук, своё дыхание.
Ничего ему не нужно –
Замер он, как изваянье.

Он выбросил свои часы,
Считать оставив время всем,
Кому иного не найти
Занятия. И между тем

Дни шли. Минула неделя.
Сергей все дела завершал.
А что ещё ему делать?
Ходил к семье и друзьям.

Говорил, пытался понять
Сколь ему всё это важно,
Старался им это сказать,
И понял, что больше не страшно.

И тут в неясном порыве
Он маску из кармана вынул –
Вновь боль тело пронзила,
И тишина раздалась взрывом.

Звуки галдящих прохожих,
Гул мчащихся мимо машин –
Всё пропало. И что же?
Сергей поражённый застыл.

Он созерцал этих людей,
Всех вместе и по одному.
И в каждом из них разглядел
Раздумия, страхи, мечту,

Воспоминания былые,

И то, что их в грядущем ждёт,
Людей, чьи головы пустые,
И тех, кого судьба ведёт!

Кому-то рождение ребёнка
Явление важнейшее в мире,
Другим же решение только
Жить в доме или в квартире...

Калейдоскоп картин, событий
Потоком бурным закрутились,
Но мигом все они забыты,
И разом всё застопорилось.

Он видит девушку, и в ней
Сошлись как будто грани.
И яркость тысячи огней
Лишь на неё взор манит.

Все будто набранные текстом,
Обычным номерным шрифтом.
Она же выделена цветом,
И отличается во всём.

Они прозрачны и тусклы,
В них каждодневная рутина,

И абсолютно не видны –
Как стенка скрыта за картиной

Она словно бы книжный герой –
Ей по силам весь мир всколыхнуть,
И ей даровано судьбой
Открыть людскому роду путь...

Взорваться голова готова
От этих красок и картин! –
И лик его вновь без покрова –
В его глазах лишь блеск витрин.

То озарение, что было,
Явившись знаньем абсолютным,
Лишь ощущением застыло,
Как сны ночные поздним утром...

И Сергей пошёл за ней,
В карман свой маску пряча.
И отныне нет важней
Цели и задачи –

Видеть это и внимать,
Ощущать опять и вновь.
Это словно чудо ждать

Или повстречать любовь!..

Но морок растворился вмиг,
Он вспомнил, что надо дышать.
Но тут его врасплох застиг
Кошмар, что заставлял кричать.

Белесый брёл прямо за ней,
И расстоянье сокращалось.
Он словно тёк между людей.
Сомнений больше не осталось –
Убить её – его задача,
Предназначение, цель, мечта.
И ворох этих мыслей мрачных
Прочёл Сергей без маски у лица.

Из рук Белесого клинки
Блестя, бесшумно показались.
Слова: Ей точно не уйти! –
Тьмой в глазах его читались.

До гибели её лишь шаг,
Жизнь нитью тонкой оборвётся.
Помочь ей нужно! Только как?
И – Оглянись! – из лёгких рвётся.

И дева на крик обернулась,
И будто бы ожили сны!
В реальность выпустив ужас
Что жить не давал ей в нощу.

Клыкастая маска, огонь
И еле слышный детский крик,
И стен упавших гулкий стон,
И взрыва яростного рык...

Белесый в глазах её это прочёл,
И его дрогнула рука,
Но тут же мысли все отмёл –
Его растерянность ушла.

Но более Сергей не мешкал –
Пути иного не дано!
«Я умру, – всплыло усмешкой. –
Но ни всё ль уже равно?»

Он на Белесого напал,
Всем телом просто навалившись.
Такой атаки тот не ждал,
И посему стоял открывшись.

А девушка меж делом та,

Закрыв своё лицо руками,
– О, боже, боже, нет! – шепча,
Прочь шла опутанная снами.

Белесый оттолкнул Сергея
И посмотрел ей молча вслед,
И с каждым вздохом свирепея,
С сулящими столь страшных бед
Глазами тихо произнёс:
– Мертвец! Ты жалок и ничтожен.
Слепец! В какой из глупых грёз
Успех той выходки возможен,
Что ты мне выкинул сейчас?
Ведь даже и Магистр Чёрный
От моего клинка угас,
А ты и вовсе враг никчёмный!

И в атаку устремился,
Сергею целясь прямо в грудь.
Ворох искр в небо взвился –
Клинку вдруг преградили путь!

Сергей своим глазам не верит –
Прямо из его руки
Меч, своё лезвие ощерив,
Смерть устремился принести.

– Я посмотрю, ты не простак! –
Сказал Белесый отступая.
И снова серия атак –
Он нападает, дело зная.

Клинки опять схлестнулись в схватке,
Повсюду искры рассыпая.
Сергей впервые в битве ратной –
Он понимал, что уступает.

И словно вдруг раскаты грома,
Сергей услышал те слова,
Что вырвались тогда со стоном
Из скрытого под маской рта,
Магистра Чёрного в той арке.
Чуть слышно – Не бойся, не надо
И ныне в этой жаркой схватке
Они Сергея как торнадо
Взметнули вверх по вертикали
Чего-то, что границ не знает.
– Не бойся, – в ухо прошептали,
И Сергей руки опускает...

Глава вторая. Кровь

Одно мгновение, секунда –
И Сергей, пронзённый пал.
Перестать дышать не трудно.
Вверх смотря, он умирал.

Кровь стекает с лезвия клинка,
На землю каплями летит.
И с их паденьем бьётся тишина,
И вновь осколками молчит.

Из рук Сергея маску взял,
Взглянул в его стеклянные глаза,
Белесый, взгляду этому не внял,
И с сожаленьем выронил слова:

– Я тебя не хотел убивать
Но был ли выбор у меня?..
И он начал исчезать,
Лишь маску снял свою с лица...

Вадим глаза открывает,
С его запястий течёт кровь.

В руке маску он сжимает,
Человеком ставший вновь.

На отражение глядит,
Себя всё меньше узнавая.
От усталости еле стоит,
Себя вопросами терзая.

«Зачем он руки опустил?
Раз пытался помешать?
И верно ли я поступил,
Что жизнь его решил забрать?»

И тут Вадим вдруг замечает,
Что убитого маска пропала! –
Он опять ускользнул... – понимает,
И в смятении душа застонала!

Проклятие! – в мыслях звучит, –
Опять начинать всё сначала!
Знать Магистру Белому быть,
Как бы это его не пугало.

И тут Вадим вдруг услышал,
Как ключ в двери повернулся.
Сквозняком коридор задышал,

И кто-то в прихожей разулся.

Вадим маску прячет в карман
И с запястий кровь смывает.
Вся тревога уходит в туман,
И он вновь обо всём забывает.

Слышит голос её звонкий:
– Вадим, ты дома? Не молчи!
И последние осколки
Печали этой утекли.

Его миссия, рок – всё забыто,
Но только лишь до поры,
Ведь тому, что в памяти скрыто,
Навсегда в забытье не уйти.

Ибо маска опять позовёт –
Вадиму придётся вернуться,
Кому суждено, тот умрёт,
И от этого не отмахнуться.

Глянув ещё раз на руки
И ран кровавых не найдя,
Он тихо, не издав ни звука,
Из ванной вышел не спеша.

И аромат её цветочный
Он первым делом уловил,
Который был таким же точно,
Когда её он полюбил.

В тот день, взглянув на неё раз
В людском потоке пёстро-сером,
Оторвать не смог он глаз
От той, кто краше всех на свете белом.

Чуть позже он узнает имя,
Что как печать на сердце ляжет.
– Меня зовут Екатерина, –
Она с улыбкой ему скажет...

Шагов его тихая поступь,
И этих светлых мыслей гомон,
Что нёсся к ней вперёд на ощупь,
В её висках раздались громом,
От стука сердца полного любви.
Как долгожданна эта встреча –
Эта разлука на часы
Явилась расставаньем вечным.

Вадим подходит к ней, целует,

– Привет, – с улыбкой говорит,
А сердце как всегда ликует
И потому быстрее стучит.

Её он в объятьях сжимает,
– Я люблю тебя, – ей шепчет.
Она же без слов отвечает,
Его сжимая ещё крепче.

Открыться ей он очень хочет,
Но этой роскоши нельзя
Никак позволить, и клокочет
В нём ледяная пустота.

Но ни грамма этой ноши
Он не взвалит ей на плечи.
И только в одиночку сможет
Исполнить долг, задув все свечи.

Лишь бы мир остался прежним!
И дальше бы дарил им этот кров
Счастья океан безбрежный,
Что питал их светлую любовь.

А если платою за это
Станет подлое убийство,

Он, не колеблясь, той монетой
Обналичит в чеке числа...

О, боже! Высота какая!
Дух начинает трепетать!
И город не имеет края –
Куда бы ни направил взгляд.

Вид потрясающий открыт
На крыше новостройки этой.
Елена здесь в раздумиях стоит,
И тишина звенит монетой.

И тут она вдруг оглянулась,
Но никого нет позади.
К ней чувство это вновь вернулось –
За ней следят, и эти сны...

Он точно перед ней стоит,
Но не увидеть ей его.
До той поры он будет скрыт,
Пока не явится то зло,
Что жаждет её скорой смерти,
Дабы рок её святой

Не изменил той круговерти,
Опутавшей людской род тьмой.

Что привнесёт собой Елена,
Перевернув весь этот мир?
Освободив его из плена
Разящим скрежетом мортир?

Но платой станут не напрасной
Сотни тысяч тех смертей –
Они подарят столь прекрасный
Век золотой для всех людей!

Тревоги чувство нестерпимо,
И снова нервный взгляд назад.
И зло в глазах неумолимо –
Белесый перед ней. «Бежать!» –

Кромешный ужас, безнадёга
Читается на маске белой,
И страхом подкосило ноги,
И заморозило всё тело!

Белесый поднимает руку,
Дабы удар свой нанести.

Клинок выходит с мерзким звуком,
Шепча как будто бы: «Умри!»

И к ней приходит понимание,
Что она сейчас умрёт.
– За что? – В ответ одно молчанье,
И Белесый резко бьёт.

Но искры ворохом летят –
Сергей отбил его клинок!
Мечи их вольные звенят,
Сцепившись накрепко в замок.

Всего лишь на какой-то миг
Магистры перед ней предстали,
И также резко как возник
Образ сей тотчас истаял...

– А это ты! – Вадим не удивлён
Что маска снова возвратилась –
Магистр Чёрный воскрешён,
Знать их война возобновилась.

– Зачем убить её желаешь? –
Сергей Белесого спросил, –

Не уж то ты не понимаешь,
Ей изменить по силам мир!

– Да, мир, где мы живём жесток.
Порой он обращается кошмаром,
И смрад распоротых кишок
Является его обычным даром.

Но в нём нам дадена любовь,
Знать не позволю я того,
Чтобы его людская кровь
Омыла. И ради чего?

Во имя призрачной мечты
Достигнуть счастья? Никогда!
Сколько примеров посмотри,
Уж слишком велика цена!

И Белесый бросается в бой –
Мечи их в битве вновь схватились!
Он твёрдо стоит на своём,
Но что-то вдруг с ним приключилось!

Со страхом шепчет её имя:
– О, Катя... – стон с дрожащих губ,
И злость в глазах уже незрима –

Её затмил собой испуг.

Сергей едва ни отступал
Под натиском его ударов,
Но тут напор атак упал,
И враг подобно ягуару
Метнулся в сторону и вниз
Немедля рухнул камнем,
Но у земли он вдруг завис,
Блистая словно ангел.

Но лишь земной коснулся тверди,
Он тут же ринулся вперёд,
Неудержимый словно ветер,
Который всё собой сметёт!

Ни секунды не теряя,
Сергей в погоню устремился,
Про себя притом гадая –
Чего Белесый устранился?

Кто они? Откуда здесь?
К чему оружие в руках?
Чем вызвана их злая месть?
И злоба лютая в глазах?

Эти вопросы на устах
У каждого кто под прицелом.
И бесконечный жуткий страх
Достиг уже своих пределов.

Глаза поднять свои не в силах –
Екатерина просто ждёт,
В воспоминаньях о любимом
Укрывшись, свой отчёт ведёт.

Полиция всё окружила.
Напряжённых нервов звон
Словно разрывает жилы –
Всё поставлено на кон!

Будто мантру повторяя:
– Боже, только бы успеть! –
Шаг сильнее ускоряя,
Вадим начинает лететь!

Бьёт в осколки все витрины,
Встречных всех сшибая с ног,
Словно снежная лавина,
Как безудержный клинок!

Раздался лишь один хлопок,
И буря разразилась!
Не ясно кто нажал курок,
Но страшное случилось!

Всё утонуло в канонаде
Битых стёкол, в криках, столах.
Запылало жаром ада
В алых ранах, как в бутонах...

Он не таился и был видим,
В оцепление ворвавшись,
Кричал, что сил есть её имя,
Не прячься больше и не кравшись.

Пули, впиваясь в его тело,
Плащ белый в красные тона
Окрасили, но не сумели
Причинить ему вреда.

Но то, что он потом увидел
Его свалило на колени,
Растоптало и убило –

Её бездыханное тело

В свечении багровом,
В осколках битого стекла.
И тяжестью свинцовой
Наполнилась душа.

Мечи вышли из запястий
Сами словно, и он взвыл:
– Чтобы не иссякло счастье?!
Чтобы не менялся мир?!

Он тут же закружился смерчем,
Без разбору убивая,
Всех склоняя к страшной сечи,
Даже шанса не давая.

Кто пред ним? Спецназ? Бандиты? –
Ему на это наплевать!
Да хоть бы даже мирный житель –
Одно желанье – убивать!..

Сергей смотрел со стороны
На Вадима, в его суть,
На те моменты, что важны,

Что мир способны всколыхнуть.

Она. Их встреча. Их любовь.
Границ не знающее счастье.
Гибель их мечты. И вновь
Булаты вышли из запястий.

И в кровавый танец этот
Совсем не слушая себя,
Он ворвался, и дуэтом
Они убили всех и вся...

Она слыхала, как он звал
Что было сил по имени её,
Но словно бы огонь пылал
И болью обжигал нутро.

И век, увы, не распахнуть —
Их тяжесть неподъёмна.
И раненная пулей грудь
Раскалена как домна.

Но неожиданно пожар
Геенны огненной потух,
И кто-то словно бы сказал

– Открой глаза! – терзая слух.

И воле этого приказа
Нельзя не подчиниться!
И силы неоткуда сразу
Смогли вдруг появиться!

И видит всё – Вадим в плаще,
Его таким она не знает,
С ужасной маской на лице
Людей буквально изрубает!

Глазам не верит – невозможно!
Не видеть этого! Не знать!
Быть просто этого не может!
Но голос повторил опять:

– Смотри! Смотри! – она не в силах
Сейчас противиться ему,
И вновь увидела Вадима,
Что превратился в смерть саму.

И тьма беспмятства пришла
Явив спасительные сны.
Угаснув, Катя поняла –
Её куда-то понесли...

Сколь спина к спине сражаясь
Они людской кровí пролили,
Криком боли не внимая
О, что́ же они натворили!?

И вот он поединок вновь
Магистров, но ради чего?
К чему ревёт металл клинков
Не знал из них теперь никто...

...Мир этот в дар Вадиму
Дал счастье без края, любовь.
Он встретил в нём Екатерину,
Потому он был готов
Биться любыми путями,
Лишь бы его сохранить.
И тут это всё отобрали
Зачем же ему тогда быть?

Оставаться таким же как раньше?
И достоин он этого ли?
Пусть существует и дальше?
Иль пускай он утонет в крови?..

...Смерть не несёт ничего,
Что мир способно сделать лучше.
Она порождает лишь зло,
И от того всё ещё хуже.
И счастья так не отыскать,
Людей счастливее не сделать.
Кровь не смогут оправдать
Никакие высокие цели...

Глава третья. Кладовест

Магистра Чёрного приняв
Облик, чуждый в этом мире,
И в омут кинувшись стремглав
Того чудесного эфира,

Андрей вновь жажду ощутил
Своих чудовищных мечей,
Что закатить кровавый пир
Его зывали поскорей.

Ведь с тем, что видел он в Елене,
Иное тенью серой меркнет.
Настанет только её время,
И мир людской она низвергнет

В пучину хаоса и страха,
В пожар бессмысленной войны,
Где обернутся полным крахом
Такие светлые мечты.

И он подумал – ей нельзя
Позволить это совершить,
Уж лучше грех взять на себя

И эту девушку сгубить!

Но ужаснулся своей мысли,
И этой жажды убивать!
Того, что стало его смыслом –
Лишь ей отныне помешать!

Знать сила та, что он обрёл
Ему для этого дана?
Но эти мысли все отмёл –
Негоже думать так. Сперва,
Понять он должен всю природу,
Источник его новых сил,
И лишь потом в огонь и воду
Кидаться, зная суть причин.

И сдёрнута завеса лжи!
Его клинки тотчас умолкли.
И вышла из покрова тьмы
Правда, но иного толка.

В судьбе Елены только боль,
Невосполнимая утрата,
И рок её слепящий столь
Отныне смотрится как пятна.

Кем-то насаженный обман,
Что-то скрывающий искусно.
Но лишь рассеялся туман –
Он силуэт багровый тусклый

Увидел вдруг и навсегда
Смирено принял словно крест,
Что уготовила судьба –
Ему открылся Кладовест!

И мраку лживой паутины
Андрея взор не исказить –
И правда острой гильотиной
Смогла магистра устрасить.

Да, в одиночку в этой схватке
Ему никак не победить
Но как бы ни стоял он шатко
Ему уже не отступить...

Удар стремительный и быстрый
Пришёлся точно в центр маски,
Сомнения изгнав из мыслей,
Пронзил все нервы болью адской!

Цепями словно бы опутал
И намертво сковал движенья.
И тело неподвижной грудой
Застыло в изнеможении.

Но с силами собравшись, сжал
Андрей в руках осколок маски
И к своему лицу прижал
Вновь ощутив, как блекнут краски,

Как тихнут звуки, меркнет боль,
И холод леденящий вязкий
Берёт лицо всё под контроль,
Вновь возвращая цельность маски

Вниз посмотрел – другая часть
Его расколотой личины,
Также очерив свою пасть
Лежит цела и невредима.

Он создал маску как хотел,
И обладатель её избран.
Но сам собой вопрос назрел –
А верно ли гамбит разыгран?

Сначала были боль и страх,
Но страх ушёл, лишь боль осталась.
Из ран кровавых на руках
Клинки, плоть рассекая, рвались,

Мир дабы этот защитить
От тех безумств, что приведут
К его концу и людям жить
Нормально больше не дадут.

Цена безумной авантюры
Чрезвычайно высока!
И сбыться этой увертюре
Вадим позволить никогда
Не сможет, даже если он
В убийцу превратится.
И пиру радостных ворон
Над павшими не сбыться.

Вадим отыщет эту деву,
Коли так выпала судьба,
Раз на него пал этот жребий,
Он долг исполнит свой сполна.

Меч для удара занесён

«Давай, Вадим! Ты должен!» -
Рывок один и мир спасён,
Но, чёрт возьми, как сложен
Этот, казалось бы, простой
И лёгкий с виду шаг.
Она к нему стоит спиной
Не ведая никак,
О грани призрачной и тонкой
Что разделяет жизнь и смерть,
Но острая как бритва кромка
Готова эту круговерть
Закончить, только лишь Вадим
Своему року покорится.
И вновь он непоколебим,
А, значит, казни этой сбыться.

Елена словно ощутив
Скорой гибели дыханье
Глаза печальные закрыв
Замерла как изваянье.

И тихо прошептал: Прости...
Вадим переступил черту,
Разбив на мелкие куски
То, что обрёл, сказав люблю.
Но металла громкий скрежет

Искр всполохом взорвался,
И Вадим глазам не верит –
Перед ним вдруг оказался

Незнакомец в белой маске,
В чёрном словно смоль плаще,
Без какой-либо опаски
В своём уверенный мече.

Отбил стремительный клинок,
Жизнь сохранив Елене,
Что как охотничий манок,
Став камнем преткновений,

Взывала стали на руках,
Столь страждущей без крови.
И в пылких яростных словах
Андрей без предисловий

С досадой в голосе сказал:
– О чём ты думаешь? Узри!
Открой же наконец глаза!
И меч, глупец, свой опусти!

Поверь, ошибку совершаешь,
У лжи идёшь на поводу!

Неужто ты не понимаешь...
– Тебя я слышать не хочу!!!

И кинулся Вадим в атаку,
Гоня из мыслей те слова,
Что услышал, и всей отвагой
Стал напирать. Едва-едва

Андрей врага напор сдержал,
Но слабость всего тела,
Что с самых пор тех ощущал,
Как разделить посмел он

Маску, не позволяла дать
Отпор противнику достойный,
И вынужден был отступать
В раздумьях беспокойных,

Что коли провалился план,
Ничто уже не сможет
Утихомирить тот вулкан,
Что мир весь уничтожит!

Любовь что удержать должна
Была Вадима от чудовищ,
Что обитали в нём всегда,

Причиной всех побоищ

Явилась вопреки тому,
На что надеялся Андрей.
И вот конец пришёл всему –
Он с каждым мигом всё слабей.

И тут повеяло волной,
Неизлечимой хворью.
«Это наверное за мной...» –
Андрей подумал с болью,

Но вместо своей смерти он
В толпе заметил человека
С печальным горестным лицом,
Бледнее выпавшего снега.

И сквозь печали пелену
Андрей в нём не увидел страха!
«Так знать, я всё-таки умру,
Но не развеюсь серым прахом!»

Подумал он без сожалений
И вслух сказал: «Ты всё поймёшь,
Когда наступит твоё время,
Поверь, ты путь назад найдёшь...»

Андрей глаза свои закрыл,
Удар смертельный пропуская
Шепча: «Хватило б только сил»
Он маску снял, и вмиг истаял...

Он словно ощутил их муку,
Их боль, страдания и смерть.
Он наслаждался их испугом,
Что выбивал земную твердь.

Лишая ноги их опоры,
И воли жизнь свою спасти.
Он причинил им столько горя!
И тем себя лишил пути.

Сергей Елену защищать
Впредь более не станет.
Смерть ничего не сможет дать,
Пушай уж лучше канет

Магистр Чёрный в забытии
И в руки смерти сдастся.
Но как её теперь найти,
Ведь с ней не повстречаться...

Откуда эта сила? Кем
Дана она? И где же моё место? —
И это пылкое зачем
Пред ним разверзлось Кладовестом.

Чудовищная маски сила
Даёт помимо жажды крови
И новое виденье мира,
Срывая разума оковы.

Всё то, что было, есть и будет,
Что может быть иль никогда
В грядущем мире не наступит
Увидели его глаза.

Они все как марионетки
Андрей, Вадим, Елена, он.
И кто-то двигал их по клеткам,
Лик, пряча свой под капюшон.

И та незримая рука,
Что правит бал кровавый
Безумной злобою полна,
Как гибелью отравя.

И в чём же цель этой игры,
Пока Сергею не понять,
Но это только до поры,
Ведь встречи им не избежать...

Вадим пред зеркалом стоит,
В руках сжимая свою маску.
Пушай весь мир в аду горит,
Ведь в нём проклятом всё напрасно.

Но тут он что-то ощутил –
Подул сквозняк, открылись двери.
Пошёл по дому и застыл,
Весь задрожал, глазам не веря.

Едва дыша, она лежала
В крови на мятых простынях.
Как привидение сияя
В потерянных луной лучах

Он к ней бросается, кричит:
– О, боже! Катя, ты жива?
Она сначала лишь молчит,
Но открываются глаза.

И в них – растерянность и боль,
И они смотрят в никуда
– Скажи мне, Катя, что с тобой? –
Ему ответом тишина.

Но миг спустя она, безликим
Глазам осмысленность придав,
Ужасным разразилась криком,
Ещё сильнее испугав
Его. Затем заговорила:
– Ты всех убил их! Всех убил! –
Ладонями лицо закрыла, –
О, боже! Что ты натворил...

– Я только сохранить желал
Тот мир, в котором мы любили.
И чтобы не один кошмар
Его не погубил в горниле

Кровавой смуты и войны!
Он должен был остаться,
Как в дни, когда наши мечты
Вдруг начали сбываться!

– Но, Вадик, это невозможно...
И грудь её вдруг замерла

Сдержав на миг свой крик истошный,
Он заглянул в её глаза.

Сквозь слёз горячих пелену
Увидел в них безжизненность стекла,
И воем раздирая тишину,
Он понял то, что Катя умерла.

И разъярённый своим горем
Он бросил маску прям на пол.
Привычно не внимая боли,
Её оскал вина во всём,

Удар нанёс двумя клинками,
Вложив в него все свои силы.
Но металлические грани
Личину гневом не сразили!

Словно стеклянные, мечи
На осколки разлетелись,
И боли адские костры
Внутри Вадима разгорелись.

Вдруг кто-то в комнату вошел
Взял маску с пола, сжал её в руке,
И неожиданным смешком

Взрыв произвёл в той тишине.

Пришелец, маску на лицо
Надев, согнулся пополам.
И устремив взгляд на него,
Вадим не смог своим глазам
Поверить, ибо ужас в раз
Его рассудок пошатнул,
И он в забвении угас.
А незнакомец хохотнул.

Бесцветный плащ его багровым
Окрасился в единый миг,
Разнёсся всюду запах крови,
В ушах застыл безмолвный крик.

И кляцнули акулы зубы
Чудовищной клыкастой пасти.
Усмешка исказила губы,
И вымолвил пришелец: Здравсьте...

Глава четвертая. Безразличие

Он возвышался средь людей,
Являясь чем-то чужеродным.
И каждый человек скорей
Желал в тот миг вдруг где угодно
Оказаться, миновать
Эту улицу быстрее,
Боясь глаза свои поднять,
От страха будто холодея.

Узреть Багрового прохожим
Было просто не по силам,
Но страх их доводил до дрожи
И словно резал им по жилам.

Сергей решительно шагая,
Шел противнику навстречу,
Путь прохожим уступая,
Чьи лица ужас изувечил.

– Ну, здравствуй, – вымолвил Багровый. –
Вот мы и встретились с тобой!
Нас Кладовест здесь свёл обоих,
Дорогой одарив одной.

Но вижу я, что путь не ведом
Тебе, и ты пришёл спросить
Меня, чтоб отыскать ответы.
И правду я готов открыть!

Сергей с вопросом не спешит,
Он Кладовест читает,
Но тот как запертый молчит,
И смысл ускользает...

– Я вижу, что тебе по силам
Внимать сиянию Кладовеста!
Похвально! Что же ты увидел?
Ответь же, что тебе известно?

Что ничего? Вот твой ответ!
И знаешь, почему же?
Да потому что её нет!
Разгадки, что так душит!

Я вижу ненависть ко мне,
Ты ею как огнём пылаешь!
Но почему она в тебе?
Бьюсь об заклад, что ты не знаешь!

Ведь мы с тобою никогда
Ещё ни разу не встречались.
Тебя убил Вадим, не – я,
А кто дал маску, вспоминаешь?

И пробираясь их следами
В крошечной тьме непониманья,
Ты заразился их мечтами
И ощущаешь лишь страданья.

И смерти ты моей желаешь
Разве не так? Не так? Скажи?
Сейчас ты всё прекрасно знаешь,
И вот теперь меня суди...

Сергей решил, что это правда
Всё было так, как тот сказал.
Не верить глупо этим фактам! –
Он ясно это понимал.

– Елену вспомни! Да, признаюсь,
Что Кладовест я искажил,
Но сделал это я, пытаюсь
Всё изменить, но допустил

Ошибку, но ты посуди –

Ей смерти я желать не мог!
За ней охотились они,
Решив, что это их урок!

Его слова неоспоримы!
Сергей уверен – это так!
Они и в Кладовесте зримы,
Хотя скрывал их раньше мрак!

И что-то было там ещё,
Но не увидеть всей картины...
Сергей, однако, понял, что
Всё это нити паутины
В которой все они завязли.
Но мысли его вновь прервали...
– Корить себя, поверь, напрасно
Ведь нам же выбора не дали.

Пойми, тебя, меня, и всех
Нас сделала такими маска.
И вместе с силой дала грех,
Что злу внутри даёт отмашку.

И все пытаются понять
Источник, смысл этой силы,
И начинают вдруг искать

Его в предназначеньях или

В потугах миссию найти,
Явить спасенье всему миру!
Но это тщетно всё, увы,
Ведь так же и со мною было.

И знаю я теперь, что это
Пустая трата сил и блажь,
Просто растраченное время,
Повязка для незрячих глаз.

Однако ныне выбрать путь
Ты можешь, это твоё право!
Дорога разрушенья? Пусть!
Путь созиданья? Что же, браво!

И да, своей стезёю хаос
Избрал в каком-то смысле я,
И без каких-то либо пауз
Одарен ярлыком был зла!

Незамедлительно Андрей
Поставил цель меня убить.
И вслед за ним и ты теперь
Решил, что так тому и быть.

Всё так? Пожалуйста, дерзай!
Я смерть принять готов уже давно!
Но только ты, Серёжа, знай,
Что смерть моя не значит ничего!

Убьёшь меня – появятся другие,
Погибнешь ты – всё повторится!
Всегда останутся такие,
Кто вновь сойдутся, чтоб сразится!

И знаешь, что хочу сказать?
Взгляни на проходящих мимо!
Им никогда нас не понять,
Ведь мы для них не постижимы!

Им безразлично кто мы есть,
Им наплевать на эти споры.
Предназначение? Смысл? Крест?
Нам на глаза одеты шоры!

Я осознал, что они правы –
Какой бы ни избрал ты путь,
Пойдёшь налево иль направо,
Но неизменной будет суть.

А она в том, что всё напрасно,
И безразличие – вершина!
Но коли с этим не согласен –
Оно сметёт тебя лавиной...

И этот эфемерный мир
Безумным хохотом взорвав,
Багровый вновь его спросил:
– Скажи, ну разве я не прав?

И пустота внутри Сергея
Согласным отозвалась гулом,
И словно навсегда немея,
В ответ Багровому кивнул он.

Мир уходить стал из под ног,
Всё застилал собою мрак...
Нет! Верить в это он не мог!
Сергей воскликнул: Всё не так!!!

Запястья обагрились кровью.
– Ты грязный лжец! Это обман!
Я сыт по горло твоей ложью!
И вышла сталь мечей из ран.

И в искр всполохе клинки

Вскричали скрежетом металла!
В глазах их вспыхнули огни,
И битва вновь запылала!

Кружась в смертельной этой пляске
Они... взлетели в небеса!
И сотрясая воздух лязгом,
Бой раскалили до белá!

Один безудержный удар –
Кровь алым ливнем пролилась!
И без обеих рук упал,
Ощерив криком свою пасть
Багровый. Рухнул камнем вниз.
Сергей за ним вслед поспешил,
Небесную оставив высь,
И в грудь противника вонзил
Мечи по самые запястья,
Насквозь Багрового проткнув.
Но вдруг тот впился своей пастью
Сергею в горло, изогнув
Его пожаром адской боли,
Ударила фонтаном кровь!
Но сжав в кулак всю силу воли,
Он осознал как от оков

Избавиться. И сталь мечей
У оснований надломилась!
Боль устремилась в апогей,
И руки яростно вцепились
В лицо Багровому. И кожа
Под пальцами трещит и рвётся.
И руки пробирает дрожью,
Когда Багровый вдруг смеётся.

И Сергей тянет на себя,
Лишая маски его лик,
А тот от боли вереща,
Вновь хохотом сменяет крик:

– Ведь понимаешь ты прекрасно, –
Смех говорить ему мешал. –
Что всё напрасно! Всё напрасно!!!
И ты всегда об этом знал!!!

– Это не так! – Сергей кричит,
И маску надвое ломает,
Но Багровый не молчит:
– Я прав!.. – и с этим исчезает.

И лишь его безумный хохот
Гремит как майская гроза,

Но затихает грома грохот –
Мир поглощает тишина...

Асфальтовые русла городов
Машины наполняли смогом,
А в вышине, в белилах облаков,
Закат светился алым оком.

Сергей не поднимая глаз,
В час-пик стоял в толпе прохожих,
И как мифический Атлас
Справлялся с непосильной ношей.

– А ведь Багровый прав во всём –
Мне ничего победа не дала.
Хотя остался я, а сгинул он –
Кошмарного мне не оставить сна

Мне нужно попросту проснуться, –
И с этой мыслью он взлетел! –
Тогда удастся мне вернуться,
Ведь я всего лишь жить хотел!

Достигнув нужной высоты,
С небес он к тверди устремился,

Но внезапно у земли
Он вдруг в закате растворился.

А маска на асфальт упала
И просто вдребезги разбилась.
Огнём осколки засияли
И дымом в небо испарились.

Потух закат. Ночь наступила.
Орнамент звёзд украсил небосвод.
И вновь тьма город поглотила,
Его оставив без забот.

Под светом грустных фонарей
Неспешной поступью шагая,
Сливаясь с сумраком теней,
Багровый шёл вперёд, гадая
Насколько этот дурень жалкий,
Исчезнувший в своём аду,
В его колёса ставя палки,
Мог повлиять на всю войну?..

Глава пятая. Разговор

Сколько раз опали листья?
Выпал снег, потом растаял?
Время шло? Остановилось?
Вадим себе не представляет...

Как в целое соединить
Жизнь, разбитую в осколки?
Как после такого жить?
Ведь они давно умолкли
Кусочки счастья, бытия,
Мировоззрения и мыслей.
Нет ничего кроме боли и зла
И выхода в самоубийстве...

Но ощущение дежа-вю
Заставило дыхание сбиться.
И в его вдруг всплыл мозгу
Тот миг, когда он был Магистром.

Когда он подбирался к жертвам,
Готовый тотчас принести им смерть,
Судивший лишь по своим меркам,
Уверенный – иного пути нет.

Кровь по запястьям потекла,
Мир начал наполняться гулом.
И этот шум сводил с ума,
Словно приставленное дуло.

Но в то же время гул давал
То ощущение былой силы!
И потому он ощущал,
Что снова стал непобедимым.

– Кто из вас пришёл за мной?
Багровый? Чёрный? Кто убийца?
Но гость Вадима ждал другой –
Навстречу Серый шёл Магистр.

– Ну вот и встретились, Белесый.
Нас свёл с тобою Кладовест.
Явился я, дабы завесу
Тьмы отогнать. Вот моя весть.

Себя напрасно хоронить
Решил. Ты всё ещё живой.
По мне, так тебе жить и жить.
Так что подумай головой!

Не стоит, поверь мне, сдаваться.
Ты жизнь свою можешь вернуть.
За это, наверное, стоит сражаться?
И я укажу тебе путь!

– Но маску мою Багровый украл,
И в осколки разбиты клинки.
И я уже раз попадался в обман,
Вдруг так же лжёшь мне и ты?

Довольно пролито мной крови,
Погублено столько людей!
И причинённой мною боли
Сто моих не искупит смертей.

– А ты представь, что тебе дан
Шанс это всё же искупить.
Найти спасенье от ран
И снова научиться жить?

Раз прикоснувшись к Кладовесту,
С ним связан будешь навсегда.
Но овладеть ли им сумеешь?
Это зависит от тебя.

В нём столько знания и силы,

Сколько способен ты принять.
И если совладаешь с ними,
Тебя не сможет смерть забрать.

Ты в силах к этому прийти.
Не сразу, но ты осознаешь.
Но коль захочешь, то уйти
Ты сможешь, если пожелаешь...

– В те времена, которых не упомянуть
Каждый знал о Кладовесте.
И словно нечто он простое
В быту людей был повсеместно.

Это был Золотой Век людей!
Жизнь длиною в целую вечность!
Но и он, в порядке вещей,
Оказался не бесконечным.

Кладовест стал отныне закрыт,
Род людской оказался в пучине
Темноты и вечной зимы,
По какой неизвестно причине.

Но сотни лет тому назад

Великий человек явился!
Он Кладовест сумел познать,
И навсегда мир изменился.

До мощи почти небывалой
Его разум и сила развились,
Но вдруг его просто не стало.
Неизвестно, что с ним приключилось.

Но после себя он оставил
Маску, как ключ к Кладовесту,
Что нас привело, как ни странно,
В это время и место.

Таких как мы, быть может, много,
Под сенью Кладовеста сущих.
Но об одном скажу особо –
Душой черней он тёмной тучи!

Оплот безумия и зла!
Чего он хочет – непонятно.
Но смог я в точности узнать –
С ним лучше избежать контактов.

Мы бились с ним не один раз,
Но бой наш длился бесконечно.

Он начинал сводить с ума
И приносил не мало бедствий.

И я узнал, что он способен
Кладовест, как книгу править.
И если кто-то неугоден –
Ему проблемою не станет
Того заставить выбрать смерть,
Чтоб неприкаянно слоняться
Самоубийц несчастных средь,
Что гибель осознать бояться.

И выхода из этой муки
Объятий бесконечной тризы
Нет. По замкнутому кругу
Ты будешь умирать при жизни.

Но если путь ему укажут,
Вновь Кладовестом озарив,
Сим ужасов смертельных сажу
С его души заблудшей смыв,
Он сможет духом вновь воспрянуть,
Былую силу обрести.
Но в одиночку просто канет –
Его поглотят эти сны...

И слову этому внимая,
Вадим узрел в его лице
Печаль, что не имеет края
И всегда живёт в душе.

– Живу долго, я не скрою
И зовут меня Олег.
Сколько не играет роли,
Но сейчас мне сотни лет.

И долю львиную из них
Я веду свою борьбу.
Цель моя одна – убить
Того, о ком я говорю.

Ненависть в его словах
Вадиму опалила слух,
И тогда он осознал,
Что Магистр Серый друг...

– Как я тебе уже сказал, -
Продолжил говорить Олег, -
Я вновь и вновь его искал,
Чтоб в схватке честной одолеть.

Но избегал он новой битвы
И из норы своей не вышел.
Но в Кладовесте, как в молитве,
Я имя вдруг одно слышал...

– Елена – вымолвил Вадим
– Я знал, оно тебе знакомо,
Ведь ты её чуть не убил
Обманутый Багровым...

Она в плену жила у страха.
Он с нею день за днём.
Она им даже пахла!
Реальность словно сон.

Каждую ночь один кошмар.
Он горем её душит.
Всегда тот проклятый пожар,
Который жизнь разрушил.

Всё застилает пламя,
Треск разрывает перепонки.
Она в бессилии рыдает
Так пронзительно и звонко.

Она кричит и умоляет
Её детей скорей спасти!
Но никто, увы, не знает,
Как их в пламени найти!

Пожарные бьются с огнём,
Но бой абсолютно неравный.
Созвучие детских имён
Издаёт её голос усталый.

И валится вдруг кровля!
Звук рушащихся стен.
Нет ничего помимо боли!
Мир заполняет тлен...

Два было ангельских лица,
Теперь две урны пепла.
И уже больше никогда
Их смех не разнесётся ветром.

И месяцы на препаратах,
После бесед о её снах.
В плену своей кровати,
В поту холодном как во льдах.

Её ли сны? Её ль кошмары?

Елена, а Елена ли она? –
Совсем уже не понимает,
Что за безумий череда...

– Багровый знал – его ищу,
И потому создал вассала.
И повелел убить ему
Ту девушку, что так страдала.

Андрей, вкусивший силу маски,
Магистром Чёрным обратившись,
Узнал, что этот Рок напрасно
Он принял, в монстра превратившись.

И потому возненавидел
Создателя сего проклятья,
Что был основой пирамиды
Лжи, сжавшей всех в своих объятьях.

И сковал Андрея страх –
Он свою маску разделил,
И тем себя обрёк на крах,
Когда его ты погубил...

Но всё-таки успел Андрей

Найти столь нужные ответы.
Он понял, что один Сергей
Предать способен в руки смерти
Багрового. Но зло не дремлет –
Лишила ложь Сергея смысла.
Он Кладовесту вновь не внемлет,
Горя в аду самоубийства...

И чтобы одержать победу,
С тобой должны мы разделиться.
Я верну Сергея к свету,
А ты Елену от убийцы
Должен будешь защитить...
– Но хватит ли у меня силы?
О, да! Я жажду отомстить!
Но мои клинки разбились...

В руках Олега в тот же миг
Меч огромный оказался –
Он вдруг из воздуха возник.
– Как трусом был, так и остался!

Ты не достоин Катиной любви!
А значит биться нет причины.
Так что немедля смерть прими,
Хоть претворись на миг мужчиной!

«Да как он смел упомянуть
Её святое имя?!» -

Он злости он не мог вздохнуть,
До смерти ненавидя.

Запястья болью запылали,
От злобы слёзы полились,
Но клинки не показались –
Лишь нити устремились вниз!

Сверхтонкие, они сияли!
Неся мучительную смерть в себе.
Всё! Теперь враги узнают,
Что значит жить в кошмарном сне!

Рывок назад, и струны вмиг
Вонзились в плоть, как в масло.
И не раздался даже крик –
Картина столь ужасна!

Брызжет кровь из частей тела,
Меч упал, раздавшись звоном.
И Вадим глазам не верит.
Сердца стук подобен грому.
Он перепонки разрывает.

Кровь алая повсюду!
Взгляд Вадиму застилает
Останков рваных груд.

Вадим был очень поражен.
Он просто потерял дар речи.
В ушах всё раздавался гром.
Он полон был противоречий.

– Ну что, Вадим, а ты боялся –
Мощь и сила воротились.
Я в тебе не сомневался,
Но хватит, вдоволь нарезвились.

Пóлно слов уже, пора, –
Олег живой и невредимый! –
Нас большие ждут дела,
Довольно мы наговорили.

Мы вернули твои силы.
Но, Вадим, прошу, учти,
Чтоб тебя не захватила
Паутина его лжи!

Не верь Багровому ни в чём!
Он каждым словом будет лгать...

– А скажи, Олег, с чего,
Что не врёшь и ты, мне знать?..

Глава шестая. Дневник

11 февраля

Серое дороги полотно

Под бампером машины исчезало.

И оставаясь за окном,

Поля сменялись городами.

Салон автобуса разбитый –

Он вряд ли был когда-то новым.

Ревёт движок во чреве скрытый,

Что делает мой путь бессонным.

Но нету сна не от того,

Что неудобство отовсюду,

А от того, что я влюблён

А, значит, и терять не буду

Не одной секунды счастья,

Что дарованы судьбою.

За окном хоть и ненастье –

Я согрет своей мечтою.

Ведь я люблю, любим в ответ

Богиней, что наземь спустилась.

Она мне подарила свет

Небес, что прояснились.

*Да, пусть она сейчас не здесь,
И я не в силах быть с ней рядом,
Но разлука канет в полусне,
И мир вновь станет райским садом...*

*Я помню робкие попытки
Впервые с ней заговорить,
И в помощь крепкие напитки,
Чтобы увереннее быть.*

*И вот шампанское и бой курантов,
Желанье выпитое с теплом,
Что стать должно моим гарантом
При получении ответа.*

*И, – Да! – Сказала она мне.
– Люблю тебя, – она сказала.
Нет, я, наверное, во сне –
Такого прежде не бывало.*

*Но монотонность скучного пути
Меня толкнула в руки дрёмы.
Я снова там, где правят сны –
В приятной пелене бездонной.*

*И вдруг сквозь сон я голос слышу —
Он так звучит проникновенно.
Неужто мне это приснилось?
И просыпаюсь я мгновенно.*

*В проходе, между кресел ровных
Стоял печальный человек,
И голосом приятным монотонным
Он говорил, не поднимая век.*

*Он руку перед собой держал
И шёл меж кресел, не спеша.
И вопрошал монет на храм,
Всё говоря и говоря.*

*Он не учил никого жить,
Не проповедовал по вере,
Но захотелось лучше быть
И в доброту поверить.*

*Его хотелось слушать,
Его словам внимать,
Что согревали в стужу
И помогали встать.*

*Своей дорогой он ушёл,
Собрав немного подаянья.
Что же со мной произошло? –
Я вдруг сижу в непониманьи...*

6 марта

*Пути иного не сыскать,
Дорога к счастью лишь одна.
Я более не в силах ждать –
Спешу туда, где ждёт она...*

4 июня

*Я думал – будет легче,
Я мыслил – всё пройдёт!
Но боли всё не меньше!
Когда же истечёт мой срок?!*

*Ещё свалилась и болезнь,
Меня как будто добивая.
Петля на шее всё тесней –
А думал – хуже не бывает...*

30 июня

*Будни, друзья, развлечения –
Всё мрачно, безрадостно, грустно.
И так много мыслей о смерти*

В душе, где ныне пусто.

Минул мой день рожденья.

Я вниз смотрю – Смогу ли? Спрыгну?

Но слишком велики сомненья,

Что я вот так возьму и сгину...

13 июля

Я на автобус сел какой-то,

На кресле мне не усидеть.

И на душе вновь беспокойство –

Я жить хочу иль умереть?

Какой-то город, мы стоим.

Торгуют бабки пирожками.

Мне вспомнились былые сны,

И вдруг я словно бы ошпарен.

Я вновь услышал этот голос,

Тот, что звучал проникновенно.

И пробрало меня ознобом –

Случится что-то непременно!

С места тут же я вскочил,

Вслед за голосом помчался.

Не спеша, пошёл за ним.

С неба начал дождь срываться.

– Эй, отец! – Его окликнул.

Человек не оглянулся.

Наконец его настигнул

И плеча рукой коснулся.

– Святой отец, я извиняюсь...

Он, наконец, остановился,

Взглянул в лицо мне, улыбаясь:

– А вот и ты – Чёрный Магистр...

Я замер, сердце моё замерло.

Что, к чёрту, за Чёрный Магистр?

Но что-то со мной вдруг произошло –

Нет, я – не сáмоубийца...

... – Сергей, ты вспомнил кто ты есть?

Свой облик, память воротил?

Вкусил вновь горький Кладовест?

И тяжесть Рока ощутил?

«Сергей? А кто такой Сергей?

О боже, что же здесь творится?

Ведь моё имя Алексей ...»

Но тут пришлось вновь удивиться.

Его невзрачная одежда
Сменилась серостью стальной.
Улыбка на лице беспечном
Казалось доброй и простой.

Длинный серый плащ до пола,
В руках огромный меч и маска,
Что глядела столь знакомо
На окружающих с опаской.

Он вспомнил рукописные станицы,
Которые в блокнотах разводил.
Теперь они Бозоны Хигса,
Что держат в целости весь мир.

Он вспомнил всех тех персонажей
Своих историй странных,
Что создавал забавы ради
В четверостишьях рванных.

Оскал тот и цилиндр чёрный
Стали истории началом,
Когда ему один знакомый
Рисунок этот показал. Он

Выдумал из рук клинки,
Плащи, раздутые в погонях,
Их судьбы и забытые мечты,
И лица скрытые в ладонях.

Хитросплетения сюжета
По всем канонам аниме,
Где темнота быть может светом,
А доброта бредёт во тьме.

Переплетенье с миром гоев,
Что Алексеев сочинил.
И испытанья ждут героев
Как будто автор Стивен Кинг.

– Вы есть лишь только в моих мыслях,
В моих исписанных блокнотах,
В не нарисованных картинах,
В словечках пафосных и громких!

Вас нет! Вас нет, как и меня!
Я умер в тот дождливый вечер!
Я жить остался лишь в мечтах,
Во снах таких бесчеловечных...

– Сергей ли, Алексей, ты помнишь,

Как ты мечтал любить и жить?
Я всё же верю, что ты сможешь
Темницы дверь своей открыть.

Границы нет и нет предела.
Бояться больше нет причины.
Уверен я, ты в силах сделать
Ярчайший светоч из лучины.

Он протянул Сергею маску.
– Я знаю, ты её возьмёшь.
Да, трудно осознать всё сразу,
Но думаю, ты всё поймёшь.

Всё как в его кошмарных снах,
Где он знает, что умрёт.
Он только спрашивает: Как?
И что же с ним произойдёт?

Он мёртв, он знает это точно.
Он всё-таки себя убил.
Той дождливой тёмной ночью
Из-за той кого любил.

Алексей, сжав кулаки
И собравшись с духом,

Трепет ощутил внутри,
Лёгкость, но и муку.

Маску наконец одел
И закрыл свои глаза,
Из романа вместе с тем
Исчезая навсегда...

Глаза открылись, мир возник,
И память воротилась.
Но на один какой-то миг
Всё снова помутилось:

– Скажи мне, был ты на том свете?
Куда сейчас я уйду?
– Нет. – Но если всё же её встретишь,
Скажи, что я её люблю...

Их разговор шёл очень долго –
Сергей всё больше понимал.
И с каждым высказанным словом
Себя назад он возвращал.

Пришлось поверить и принять
Олегом данные заветы,

Но он не мог не понимать,
Что полны лжи его ответы...

Глава седьмая. Ложь

Всё та же крыша новостройки,
Что своей манит высотой!
Ветра летят на стены бойко,
Дыша вечерней красотой.

Елена смотрит на просторы –
Глазами их не обуздать!
И своим печальным взором
Стремиться смысл увидеть
Дальше жить в проклятом мире
С болью в сердце и в душе,
Только ненависть и видя
В божь, в людях и в себе.

– Я ненавижу этот мир! –
Крик вырвался в рыданиях горьких.
И она рухнула без сил –
Жить дальше незачем, бестолку.

Этаж за этажом, всё ближе
Земля, а вместе с нею смерть.
И ветер шепчет еле слышно:
«Остановись, Елена. Нет!»

Её вдруг кто-то обнимает
– Не бойся, – кто-то говорит.
На землю тихо опускает.
Елена в ступоре молчит.

Нет силы даже умереть,
Проститься с жизнью ненавистной!
Видать придётся ей и впредь
Со своей участью мириться.

И тут же плач сорвался в вой –
Он её муку отражал!
Но вдруг явился глас другой,
Что отвращенье вызывал.

Глаза застлала краснота,
Возникнув прямо ниоткуда.
Она свой облик обрела,
Став силуэтом смутным.

– Жизнь твоя – безумный сон,
Чаепитие Алисы,
Но побудки перезвон
Никогда ты не услышишь.

И мечта – лишь избавленье,
Даже если оно – смерть.
Я смогу порвать все звенья
И с тебя снять эту цепь.

– Да! Согласна я на всё!
Будь ты дьявол или боже.
Пусть вселенское ты зло!
Дальше жить не в силах больше!

Елена распознала плащ,
Оскал и маски белизну,
Что излучала злую власть
И противление добру.

Но Елене наплевать,
Лишь бы наступил смерть.
Предпочтительнее ад,
Нежели весь белый свет.

Оскал довольный озарил
Лицо Багрового Магистра:
– От сердца дар ты мой прими! –
И гибель из запястья вышла.

Занёс Багровый свою руку,

Чтобы ударить и убить,
Но вдруг с высоким резким звуком
Стремительно мелькнула нить.

Обе руки его с клинками
Моментально отсекло!
И он совсем не понимает —
Атака эта от кого?

Он закричал в недоуменьи,
Проклятий чередой взорвался,
Затрясся, рухнул на колени,
Упал на землю, заметался...

Но тут его ужасный вой
Сменился хохотом презренным,
И он, качая головой,
Встал на ноги свои мгновенно.

Он рук обрубками встряхнул —
Они целы и невредимы.
Багровый глубоко вздохнул:
— Ну что, явись, друг невидимый!

Вадим предстал перед врагом,
Решив, что нет нужды таиться.

Он стал лицом к лицу со злом,
Готовый насмерть с ним сразиться.

Он был без белого плаща,
Того убийцы – ассасина,
Что шёл вперёд, лишь смерть неся
Предательским ударом в спину.

– Вадим, Вадим, а ты не промах.
Игрушку новую нашёл?
Остался значит в тебе порох,
Ты впечатленье произвёл!

Я посмотрю, ты возмужал.
Такой решимостью пылаешь!
Такая ненависть в глазах –
Мне испугаться? Как считаешь?

Удар его молниеносный
Был неожиданным и быстрым –
Он задавал свои вопросы,
И вдруг клинок летит со свистом!

Вадим перехватил его струной,
Не сдвинувшись при этом ни на шаг.
Елена же ведь прямо за спиной –

Он выдержит и тысячу атак...

– Не можешь ты не радовать меня
Столь сильной собранностью духа.
Вот только где она была,
Когда жива была твоя подруга?

Тогда быть может спас бы Кате жизнь
И оградил её от боли и страданий.
Ах, это столь желанное кабы
Увы, совсем бессильное в реале.

Нить натянулась так, что зазвенела –
Вадим сдержался только кое-как.
На врага он глянул зверем,
Ещё сильнее сжав кулак.

Багровый ринулся в атаку
И наконец-то замолчал,
Но вновь наткнулся на преграду,
Которую Вадим создал

Из своих смертельных нитей.
Он был непоколебим,
И натиски врага отбиты.

– Не думай, что ты победил! –

Сказал Багровый и скрестил
Свои сверхострые клинки,
И каждый меч вдруг заискрился
И тут же разлетелся на куски!

– Да ты умеешь, друг, играть
На нитях, словно самый умный,
Но мы не будем так стоять –
Нас ждёт адажио для струнных.

Тончайший струн звон режет слух,
Кричит как будто бы – опасность!
Угроза скорых страшных мук,
Но уж не выбрать безучастность.

Багровый быстр словно свет
Разряда молний перед громом,
Вадим даёт ему ответ,
И всё в бойцовском перезвоне.

Он петлю чувствует на шее,
Нить оплетает его руки.
Преодолеть он всё сумеет –
Не убоится смертной муки.

В один миг оба замирают,
Звонят их нити в напряжении.
Один рывок – Вадим узнает
Цену того, что он в сомнении.

«В своё бессмертие поверить,
Значит, избавиться от страха,
Но только как же это сделать,
Ведь я отнюдь не горстка праха!

Ведь я живой же, и во мне
Каждая клеточка живёт...»
Нить в плоть врезается сильней,
И из порезов кровь течёт.

Одновременно, сразу оба
За струны дёргают свои,
Но ничего не происходит –
Их рассекают вмиг клинки!

Вадима ноги подкосились,
Но он на землю не упал –
Его на руки подхватили
Два друга, коих он узнал.

И остатки своих пут
Багровый рвёт, издав смешок.
Его слова впервой не лгут,
Всех повергая просто в шок:

– Олежа! Брат мой! Ты пришёл!
Ну надо же, вдруг появился!
А я подумал, что решён
Наш спор, что давеча случился!..

Брат?!?! Слово это впилося в мозг –
Ну наконец-то ложь раскрыта!!!
Но вместе с нею вышла злость,
Что в Кладовесте была скрыта.

То, что затем произошло
Случилось очень быстро.
Казалось бы, всё замерло,
Но взмах меча, как выстрел,
Елену в сердце поразил –
Клинок его пронзает.
– Олег, я вновь его убил!
И время замирает.

– Ты, братец, проиграл! Ты слышишь? –
Багровый ликовал всюю, –

И если вновь его отыщешь,
Я также вновь его убью!

И битва началась опять,
Но Сергей стоит на месте –
Очередную тайную печать
Сорвал он с Кладовеста.

Ложь, только ложь, опять обман –
Его сеть просто безгранична!
Всё безысходно как во снах,
И уже кажется типичным.

Предательство, его вершина,
Апогей всего коварства.
Во вселенной не увидеть
Того, что более ужасно.

Елена умирала. Ещё миг
И жизнь уйдёт с последним вздохом.
Боль искажала её лик –
Ей оставалось так не много.

Сергей взглянул в её глаза –
Она агонией пылает.
И в них он узнаёт себя,

И, наконец, всё понимает.

В его руках возникла маска.
Он преклонил свои колени,
И осторожно даже с лаской
Ей на лицо её одел он.

Кровь изливается из раны,
Рисуя страшный столь узор.
И вот Елена умирает,
Но оживает *СВЯТОГОР...*

Глава восьмая. Порог

...«В те времена, которых не упомянуть
Каждый знал о Кладовесте.
И словно нечто он простое
В быту людей был повсеместно.

Это был Золотой Век людей!
Жизнь длиною в целую вечность!
Но и он, в порядке вещей,
Оказался не бесконечным.

Кладовест был отныне закрыт,
Род людской оказался в пучине
Темноты и вечной зимы,
По какой неизвестно причине.

Но сотни лет тому назад
Великий человек явился.
Он Кладовест сумел познать,
И мир навсегда изменился.

До мощи почти небывалой
Его разум и сила развились,
Но вдруг его просто не стало!

Неизвестно, что с ним приключилось...»

Его имя СВЯТОГОР!

О нём известно из сказаний,

Что исполин он и герой,

И сил ему не занимали!

Но чей он сын? Святого Рода?

Хранитель врат из Яви в Навь?

Любим он или проклят Богом?

В чём кривда здесь? И в чём тут правь?

Он лишь легенда или жил

В то незапамятное время?

Ответ никто не мог найти,

Но вот что было в самом деле...

Мир был другим, другими люди,

И Мать Сыра-Земля была такой родной!

Была Святая Русь, но не было России –

Вся суть вещей была иной.

И солнца свет был проявлением Рода,

Его любовным даром для людей.

И славили они за то Даждь-Бога

С наивностью и верою детей.
И иудейская зараза
Здесь не могла корней пустить.
В край этот ей был путь заказан –
Здесь не могли рабами жить.

Там он построил Башню к Богу,
И Кладовест был отворён.
И этою пройдя дорогой,
Он навсегда остался в памяти времён.

Вся его сила, его знанья
Столь непосильной стали ношей,
Что он решил уйти из Яви
Переступить Порог и больше
Не возвращаться в этот мир,
И своё место отыскать,
Где новую обрёл бы жизнь,
Но не спешил переступать.

Ведь было у него два сына,
От той кого он не любил.
Их имена Олег и Игорь
Он Кладовест им отворил.

Они вкушали горечь знаний,

Внимали силу провиденья,
Свой новый облик обретали
И в ключья разрывали звенья
Цепей, что сковывали разум,
Чтоб путь свой дальше продолжать.
Но рухнуло всё это разом –
Кто мог такое предсказать?..

На фоне круга золотого,
Что купол неба занимал,
Их, неподвижных, было трое,
И каждый силой полыхал.

Реальность источилась вся
Здесь, в червоточине Вселенной,
Сейчас, в нигде и никогда,
Где всё всегда и неизменно.

– Ну что ж, сыны, вот и пора!
Негоже оставаться на Пороге.
Отсюда мы уходим навсегда.
Вы видите – мы на истоке.

Олег, он очень недоволен,
Он знает – их отец не прав.

Они же с братом не готовы
Прямо сейчас покинуть Явь!

Ведь им под силу изменить
Мир, где были рождены,
Кривду в нём искоренить
И служить Святой Руси...

«Зачем нам уходить, а? На черта?!
Из сего мира, где мы – боги» –
Подумал Игорь про себя, –
Как отче думать он не склонен.
«Это мой мир, он станет моим,
И я стану господом богом,
И я буду совершенно один –
Три властелина слишком много!»

Ведь им под силу всех склонить
Пред собой, весь род людской!
Зачем куда-то уходить?
– Нет, я не двинусь за тобой! –

Олег стоял и наблюдал
В надежде – может его брат
Отцу их, Святогору, бы сказал,
Мол, возвращаемся назад...

Воскликнул Игорь: – Я останусь,
Порог я не пересеку.
И за тобой идти не стану,
Я в Явь обратно ухожу!

И только обернулся Святогор,
Клинок ему вонзился в сердце!
О, Игорь! Его сын родной!
Предательство его так мерзко!

Сменилось изумление печалью –
В его глазах такая боль.
Он словно в воздухе истаял
В калейдоскопе световом.

Ошеломлён Олег был этим,
И он бездейственно стоял,
Глазам своим совсем не верил,
– О, нет... – он тихо прошептал.

Отцовский богатырский меч
Игорь сжал в своей руке.
Закат в тот час же весь померк,
И братья утонули в темноте.

– Брат... Игорь, что ты натворил?!
О, боги! Что же ты наделал?
Ты нашего отца убил!!! –
Олег своим глазам не верил.

– Так что же ты не помешал? –
Не спас любимого папаню?
И молча, в стороне стоял,
Когда его я в спину ранил?

– Мы не хотели оба, знаю,
Этот Порог переступить,
Но я совсем не понимаю
Зачем же было убивать?

– Мы миру явимся богами
Его поставим на колени!
– Нет, этого я не признаю
И сделать это не посмею!

Та искра ненависти, злобы,
Что пламенем пожара разгорится,
– Удумал мнить себя ты богом? –
Олега вынудила биться.

Они равны сейчас по силам

И сражаться вечность могут,
А ведь ещё недавно были
Так близки и беззаботны.

Но Игорь скрылся. Он сбежал,
Булат отеческий оставил.
Олег преследовать не стал
И лишь проклятие вслед отправил...

Русь крепла, силу обретала
И ширилась святой землёй,
Но рок свой славный извращала,
Приняв культ рабский и чужой.

И впала в смуту братских воин,
Потом под иго басурман.
Олег глядел на это с болью,
Но помогать Руси не стал.

Они богов своих предали,
Погрязли в жире и крови,
Но всё ещё не признавали
Того предательства грехи...

Да, всё исчезло, Русь ушла –

Болезнь душой он прекратил.
Истёрлась в тлен его мечта —
Россия не его уж больше мир.

И кроме мести не осталось ничего,
Помимо боли от предательской потери.
Он силу набирал, а время шло,
И в Кладовест всё больше отпирались двери.

— Ответ найду, — решил Олег. —
За мною правь, а знать — победа...
И он взлетал по Кладовесту вверх,
Избрав на веки своё кредо...

Война. Она была повсюду,
Она велась по всей земле,
Под ней, в воде, на небе — в людях —
Ответом на вопросы все.

И на каком-то из полей сражений
Им повстречаться довелось опять.
В Олеге ненависть без изменений
Готова брата разорвать.

— Я знал, что ты меня найдёшь.

Случилось б это рано или поздно.
Не принимал тебя всерьёз
И ждал я сколь сие возможно.

Ну что, взгляни же на отчизну,
Которой ты хотел служить,
Но без наивного лиризма –
Его пора уже забыть!

Я ждал тебя, мой брат, тебя!
Чтоб власть над миром разделить.
Его изменим навсегда –
Его нельзя не изменить.

– Я семь веков прожил на свете,
Его я ненавидел и болел,
Но на восьмом нашёл ответы –
И замысел отца уразумел!

Все люди могут выбирать.
Это их дар и их проклятье.
Пусть живут, как захотят,
Хоть так как мне и непонятно.

Время придёт – они поймут,
Они достигнут Кладовеста.

Коль приведёт сюда их путь –
Они отыщут своё место.

А мы уже отнюдь не люди
К моей печали и стыду.
Мир этот нашим уж не будет –
Пора искать свою судьбу!

Пора Порог переступать,
Не стоит этого бояться.
Неужто не охота знать,
Что может дальше повстречаться?

– Ты так же глуп, как и отец!
Своим Порогом одержимый.
Там ничего нет! Там КОНЕЦ!
А здесь я бог, непобедимый!

Ну и иди, переступай,
Братишка, скатертью дорога!
И всё, что хочешь, узнавай,
А мне и тут совсем не плохо.

– Не думай, что тебе удастся
В жизнь претворить свою мечту.
Пока я здесь – мы будем драться,

И я отсюда не уйду,

Пока тебя ни уничтожу,

Иль ты Порог ни перейдёшь...

– Ну что ж, наш разговор похоже

Одним лишь словом не уймёшь...

Меч Святогора сжал в руке

Олег, и он готовый к бою.

Жить Игорь предпочёл во зле,

– Ну нет уж, брат мой, не позволю...

– Да ты представить не по силам

Чего за годы я достиг!

Мощь растеклась по его жилам, –

Ты проиграешь в тот же миг!

И вновь схлестнулись братья в драке,

Стремясь друг друга погубить.

Атакой смениться атака! –

Но никому не победить.

Искр всполохи и языки огня

Клинки, соударяясь, вызывают.

В руках Олега меч отца,

И что с ним делать он прекрасно знает.

Катаной Игорь отбивается от брата,
Отпор даёт, в атаку рвётся.
И этот натиск вместе взятый
До самой червоточки несётся.

И они бьются, бьются, бьются.
Сменяя дни, за ними ночи.
В смертельной пляске выются
В нескончаемо бессрочной.

Вулканы извергаться начинают,
По всей земле вскипают лавой.
И бури небо застилают
В молчаньи гробовом перед началом.

Вот-вот и что-то приключится,
Вот-вот и всё произойдёт,
Тогда придётся измениться –
Никто обратно не уйдёт.

Реальность вновь словно мембрана,
Что затрепещет от дыханья,
И за невидимым экраном
Их ждёт Вселенная иная.

– Нет! – промелькнуло в голове, –
Всё обернётся катастрофой!
Бой не за ним, но на войне
Не он взберётся на голгофу –

И Игорь снова убежал
Опять! Прямо с самого Порога!
– Он верх чуть надо мной не взял!
Но ничего, я стану Богом...

Была победа столь близка,
Но страхом Игорь вновь охвачен.
Но это было всё не зря –
Олег как будто вновь стал зрячим.

Жив Святогор! – Не может быть!
Но как же так! О боги! Как же он страдает!
Всё шире Кладовест открыт,
Но где его искать, Олег пока не знает...

... – Олег, ты – хитрая скотина!
Ты чуть ни одолел меня,
Но будь уверен, я братину
В твой тризный час испью до дна!

Так значит, не представился папаня! –
Блуждает душ заблудших средь!
Но рыскать в поисках не стану,
Достаточно лишь будет поглядеть.

Олежа сам его отыщет,
А я покамест подожду.
Обзаведусь ордой Магистров,
А там глядишь и посмотрю...

Глава девятая. Deux ex machina

Наверно, Алексей был прав,
Сказав, что это всё вокруг новелла,
Что это далеко не явь,
А кем-то сочиненная поэма.

И этот кто-то начитался *Тёмной Башни*
И *Колдовская Радуга* ему
Покоя не даёт, и очень важно
Вниманья дань отдать сему.

Тринадцать демонов, Магистров.
Супротив девяти лишь вчетвером
В главенстве психа и убийцы
Обуянного ужасом и злом.

Восемь вассалов разукрашенных в цвета
Столь верные Багровому мессии
Вознёсшие его аж в небеса
Уверенные – он источник силы.

Сергей: «Все эти вечные бои
Ради чего? Зачем? Во имя?

Ради чего его нашли?
Из царства мёртвых воротили?»

Меж молотом и наковальней
Он в своё время оказался,
И всё, что было отобрали,
И он совсем один остался.

Без жизни, прошлого и смысла,
По локоть в крови и вражде.
Теперь он попросту убийца
Со страшной болью на душе.

И он лишь средство чьей-то мести
В войне, что для него чужая.
И в чьих-то быть руках лишь тестом
Теперь он больше не желает...

Необходимы время, сила
Чтоб в Кладовесте видеть ложь
Чем и воспользовался Игорь
Дабы возвращать по душам злость...

Очередной бой бесконечный стих,
И Радуга ещё на цвет поблёлкла.

Ещё один заблудший спит,
Скитаясь среди полумёртвых.

Святогор, Олег, Вадим – все после боя
Пыл битвы стихнуть не успел,
Но он решил – тянуть не стоит,
И обратился к ним ко всем:

– Олег, скажи, к чему был весь обман?
К чему весь морок этой лжи?
Неужто правду коль узнал б
На помощь я б не поспешил?

Олег взглянул в глаза отцу,
О прощеньи вопрошая словно:
– Клянусь, я больше не солгу.
Клянусь, даю вам моё слово.

Нельзя к Порогу привести –
Добром сие не обернётся.
К нему возможно лишь прийти,
Когда уверен – не вернёшься.

И я, и Игорь были не готовы
Владеть столь безразмерной силой,
Но Святогор был для нас богом,

И, молча, вслед за ним пошли мы.

И Игорь опьянённый властью,
Что Кладовест пред ним открыл,
Пошёл на поводу у страсти,
И всё былое позабыл.

Но более других причин
Его безумия и злобы
Явился страх, и он затмил
Рок Игоря одним собою.

Ах, если б Святогор нам время дал
Побыть людьми, не чудью белоглазой!
Но кроме цели ничего не замечал,
И все мечты вмиг обратились грязью.

С того как воротился в мир живых
Святогор не вымолвил и слова,
И вот он наконец-то рот открыл:
– Олег, прости меня ради всего святого.

Я столько лет прожил на свете,
Я позабыл, что значит человеком быть,
Я стал бездушным словно ветер,
Но я не мог вас не любить.

Я знал, что мир не идеален,
Я знал, он полон зла и боли,
Я понял – здесь вас не оставлю
И тьме забрать вас не позволю

Я был слепцом! Я БЫЛ СЛЕПЦОМ!
Любовь меня и ослепила
Чего боялся, оно-то
Меня тогда и погубило!..

– Я не знаю, что я и зачем,
И не ведом мне мой путь.
Я словно собственная тень –
Неподвижна моя грудь.

Верните жизнь мою, я умоляю!
Мне не нужно бессмертие моё!
Мне не нужна война, я точно знаю!
И мне претит всё ваше зло!

Я ухожу, и мне плевать –
Всё это ваша месть и ваше горе.
Не надо правду говорить, не надо врать –
Я более не буду с вами спорить...

Один Вадим заговорил:
– Сергей, останься! Я прошу!
Но тот всё мимо пропустил
И удалился в пустоту.

Вслед уходящему Сергею
Смотря, вдруг Святогор сказал:
– Да, не пришло ещё то время,
Чтобы свой Рок он прочитал...

– О чём вы говорите оба? –
Вопрос зада́л Вадим им свой.
И вновь слова лишь о Пороге,
И он в ответ – Нет, нет... Постой...

Он думал, что не будет ни чему
Уже на свете удивляться,
Но оторопь берёт всюю,
Что он вдруг начал задыхаться.

– Но как? Ведь вы же говорили... –
Его эмоции обуревали
От правды, что ему открыли
– Но почему ему вы не сказали?

Хотя... как это рассказать?
Дано узнать сие самим...
И мы что? Будем так стоять?
– Нет, мы пока что приглядим...

Куда идти ему? Куда податься?
Вновь раствориться в небытии?
Выходит, остаётся только драться –
Благо, врагов легко найти.

Он лишь оформил эту мысль,
Как ощутил присутствие других.
Отнюдь не тех, кого покинул,
А тех обманутых и злых.

В их душах ненависть пылала,
Решимость била, что есть сил,
Хотя, по сути, и не знали,
Что каждый здесь из них забыл.

Их пронизает столько силы,
Что с ней им сложно совладать!
Но они словно как слепые –
Не могут ничего понять...

Всё, созерцанию конец –
Сейчас они затеют свару.
У них свой путь – кровь и свинец!
Ну что ж, тогда устроим жару!..

И жжение привычное в руках –
Оба клинка готовых к бою.
И вот бредущие впотьмах
На смерть идут с победным воем.

Плащи их в ядовитых красках.
Пять тварей, демонов, Магистров.
Их неизменный оскал масок.
Они стремительны и быстры.

И их диковинный набор
Орудий смерти наготове.
Сергея удивлённый взор
Впервой взирает на такое:

По паре длинных пистолетов
У каждого его врага,
И дула сих орудий смерти
Острее лезвия меча.

С одной руки сечёт наотмашь,

С другой стреляет, снова бьёт.
И вороги резвы и точны,
Сергей, однако, не сдаёт.

Он сам как будто отстранился,
Стал видеть всё со стороны,
И словно в пляске закружился,
Дабы от пуль, клинков уйти...

И вот уже напор врагов
Не кажется таким лихим,
И теперь Сергей готов
Разогнать их словно дым!

Он, как в блокбастерском кино,
Схватился с копиями Смита,
Но они движутся в «slow-mo»,
А он в своём обычном ритме.

Их головы уже летят,
Диковинные пушки молкнут,
Но продолжают нападать,
Хотя понятно, что без толку!

И вдруг откуда ни возьми
Катана пред Сергеем возникает,

И от клинка сего уж не уйти! –
И он Магистра Чёрного пронзает...

А следом появляется Багровый –
Он словно бы выходит из меча
С улыбкой мерзкой и довольной,
При этом громко говоря:

– Ты был лишь инструментом мести,
Адептом разрушительных стихий,
Одной из моих жалких бестий,
Что думают – у них урок мессий.

А сами же никчёмны и пусты,
Бредут вперёд уткнуться в безразличье.
Да, ты такой же как они,
Не вижу никаких различий.

Закончится ничем другим
Всё это просто не могло!
Ты помнишь, что я говорил?
В итоге победит ничто!

Багровый вынул из Сергея свой клинок,
И умирающий он рухнул на колено
– Понять суть безразличия твой рок.

Так было, есть и будет неизменно.

И что-то вдруг Сергей узрел –
Багровый нечто делал с Кладовестом.
Его он заблокировать сумел,
Лепя его, как хочет, словно тесто.

И от того всему хотелось верить,
Супротив лжи никак не устоять,
И лишь одно возможно здесь ответить:
«Я должен был и сам всё это знать!»

Сергей стал источаться, стал прозрачным,
Вновь отправляясь в мир самоубийц,
Но вдруг видением внезапным
Его заставили вцепиться в жизнь:

*Плащ белоснежностью слепил,
С белилами волос сливаясь.
Он шёл вальяжно, не спешил,
Земли как будто не касаясь.*

*Белесый медленно прошёлся мимо
И что-то тихо прошептал.
И ветер волосы откинул,
Открыв чудовищный оскал.*

*И словно вдруг раскаты грома
Сергей услышал те слова,
Что вырвались тогда со стоном
Из скрытого под маской рта
Магистра Чёрного в той арке
Чуть слышно – Бояться, не надо...
И ныне в этой жаркой схватке
Они Сергея как торнадо
Взметнули вверх по вертикали
Чего-то, что границ не знает.
– Не бойся, – в ухо прошептали,
И он руки опускает.*

*Умереть, чтоб как Сергей,
И сердце его перестало биться.
И мир остался без теней,
Но он отныне не Магистр...*

*– Я мёртв был, но вернулся.
Теперь я вспомнил, я познал.
Он только лишь запнулся
И более не замолкал.*

– Да, это было всё, я помню!

И Кладовест был, и Порог,
И горечь, что приходит солью
От знания, что *Аз есть Бог*.

Тот, кто миров грань переходит,
Обратно не вернётся никогда,
Ибо тогда совсем *ИНОЕ*
Он получает навсегда.

А с *ЭТИМ* больше нет причины
Возвращаться в мир людей.
Коль глаза твои открыты
Не закроешь их теперь.

Случай это ли слепой,
То ли Кладовеста воля,
Но Сергей пришёл домой,
Не познав своей доли.

А это значит, что для мира
Он стал Богом Всемогушим.
И подвластно его силе
Всё, что во Вселенной суще.

Жаркое дыханье звёзд,
Движенье атомов, базонов.

Что было такое, что мир грёз –
Открыто всё и нет заслонов...

То, что предстало пред Сергеем,
Увидел Игорь в тот же миг.
И вот в душе его уж зреет
Безудержный и горький крик.

Не он один, так значит, может
Кладовестом управлять,
А знать, он проиграл, похоже...
«Но ведь я должен побеждать!»

Сергей, поднявшийся с колен,
Взглянул на Игоря бесстрастно,
Решая для себя меж тем,
Быть ли с судьбой своей согласным.

Олег, его отец, Вадим
Наконец из тени вышли.
– Брат, прошу переступи
Порог, я умоляю, слышишь?

– Нет! Вы ничтожные глупцы!
Вам не дано меня низвергнуть!

И это мой мир! Все миры!
А значит, след вам всем исчезнуть!

– Посто́й же, Игорь, и смири́сь, –
Промолвил Святогор без злобы. –
Прошу, сын мой, остано́вись.
Ты проиграл, понять попробуй.

Вадим же просто замолчал
Вот и конец – кровь в жилах стынет
И тихо про себя гадал –
Каким Сергей теперь мир видит?

– Всё, – наконец Сергей сказал
И Игоря теперь не стало.
– Всё, – и просто замолчал
После слов: – Как же устал я...

Глава десятая. Апофеоз

Вадим взглянул на свои руки,
И ран кровавых не найдя,
Он, тихо, не издав ни звука,
Из ванной вышел не спеша.

И аромат её цветочный
Он первым делом уловил,
Который был таким же точно
Когда её он полюбил.

Вадим подходит к ней, целует,
– Привет, – с улыбкой говорит.
А сердце как всегда ликует,
И потому быстрее стучит.

Её в объятьях он сжимает,
– Я люблю тебя, – ей шепчет.
Она же без слов отвечает,
Его сжимая ещё крепче.

Вадим смотрит ей в глаза,
И свой взгляд не отрывает,
Наблюдает в них себя,

И тревога отступает.

Будто что-то угрожало
Их безудержной любви,
Но теперь угроз не стало
Только счастье впереди...

Андрей и восемь бедолаг
Обратно жизнь заполучили,
Чтоб наконец таки понять
Кем же они всё же были...

На фоне круга золотого,
Что купол неба занимал,
Их неподвижных было двое,
И каждый силой полыхал.

Реальность источилась вся
Здесь, в червоточине Вселенной,
Сейчас, в нигде и в никогда,
Где всё всегда и неизменно.

Олег и Святогор, у самого порога став,
В последний миг вдруг услышали:

– Да, Олег, ты оказался прав,
Что мы придём к нему лишь сами...

Врач был добр и учтив,
И голос тихий вкрадчивый его,
Когда он заговорил,
Вернул Сергею абсолютно всё.

– Сказать по правде – это странно,
То, что с тобой произошло.
Ответ мы ищем неустанно,
Но в результате – ничего.

У вас прощение прошу, –
Сергей лишь вежливо молчал. –
За ту, простите, чепуху,
Что в прошлый раз вам показал.

Это нелепая ошибка!
Что-то, наверное, напутали внизу...
Страх, что реальность делал зыбкой,
Ушёл навеки в пустоту...

Раз прикоснувшись к Кладовесту,

С ним связан будешь навсегда,
Но овладеть ли им сумеешь?
Это зависит от тебя.

В нём столько знания и силы,
Сколько способен ты принять.
И если совладаешь с ними,
Тебя не сможет смерть забрать.

Ты в силах к этому прийти,
Не сразу, но ты осознаешь.
Но коль захочешь, то уйти
Ты сможешь, если пожелаешь...

Август 2008 – 29 февраля 2012

Черный Магистр 2: Черное Море

(фабула)

Пролог

Он (*Олег*) открывает глаза. Он стоит посреди площади. Туда—сюда снуют люди. Солнце светит. Поют птицы. Играет музыка. Одним словом, жизнь бурлит. Но он в тоже время начинает видеть сквозь это всё совершенно другую картину. Мир словно источился, и теперь возможно смотреть сквозь него. И он видит какое—то далекое забытое место, и его наполняет безудержное чувство потери. Он хочет вернуться туда, но это невозможно. Он падает на колени. Его начинают сотрясать рыдания. И он говорит про себя – зачем я сделал это? Зачем я вернулся... И ответ почти приходит к нему – нужно отдать долг другу. И постепенно это видения и чувство утраты уходит. Слезы высыхают. Он отрывает руки от лица и смотрит вокруг. Он находится всё на той же площади, но она пуста... пуста и разрушена. Здания разбиты и испепелены. Небо застилают тяжелые черные тучи (сравнение с черными водами моря). Но они стоят на месте. Стоит абсолютный штиль.

Он задается вопросом, а где он, собственно, находится? Что это за место? Как я здесь оказался? Откуда я? Кто я? Он понимает, что не знает даже кто он... Последние отголоски

недавнего видения исчезают. Он встает. Нутро подсказывает, что нельзя оставаться не месте, и он пускается в путь. Что-то говорит ему, что путь этот будет долог...

(Волнения Кладовеста отразились даже за Порогом. Олег узнал, что произошло, и захотел всё исправить, но вернуться, казалось, было невозможно. Однако он нашел выход, хоть возвращение и не прошло даром – он полностью утратил память. Впоследствии, в повествовании Олег появляется лишь в самом конце. Только ему по силам всё вернуть и спасти Сергея).

1

В какой-то момент по непонятным причинам **Кладовест** пропитался необъятным, глубоким и абсолютно парализующим горем, и оно словно пролилось через его край. **Перелив** привел к тому, что **Кладовест** открылся всем живущим на Земле людям, однако это произошло через призму бесконечной печали и страданий. Каждый живущий на земле ощутил безграничное горе, боль утраты, помноженную на бесконечность, словно бы они вкусили печаль самого господа бога. Кто-то пережил её, но в большинстве случаев – нет. Люди сходили с ума, накладывали на себя руки, в приступах безумия убивали близких и себя. В один миг весь мир погрузился во тьму. Но нашлись те, кто пережил **Миг Скорби**. И на земле появилось новое поколение **Магистров**, созданные хоть и не злобой, но бесконечной печалью. И их не сдерживал заложенный раннее страх Игоря. Ими теперь

правило лишь равнодушие, позволившее им пережить **Миг Скорби**.

(Надо отметить, что в течение повествования не должно быть ясно до конца, что привело к Переливу. Скорбь Сергея – это причина Перелива или же только следствие ещё более ранних событий? Может злобы и так уже было слишком много?)

2

Повествование после пролога начинается от лица **Магистра Скорби**, обычного человека по имени Артем, получившего силу **Кладовеста**, но не знающего ее источника. Преподносится его взгляд на новый мир. Его воспоминания **Мига Скорби**. Артема отличает от прочих **Магистров Скорби** желание понять причину гибели мира. Он живет в мире постапокалипсиса, в котором через зыбкую границу реальности проступает когда-то существовавший мир. Оставшиеся в живых люди просто пытаются выжить, кто-то сошел с ума, переполняемый скорбью, кто-то до того обезумел, что убивает всех, кто встречается на пути. А есть **Магистры**. Им плевать на окружающую реальность, их цель – бесконечные битвы друг с другом, в перерывах между которыми они ищут людей, чтобы «**прочитать**» их *(то есть через чтение их судьбы, памяти и мыслей они тем самым открывают Кладовест, минуя Печать)* – это дает им возможность восполнить силы для продолжения сражений. Однако после своей гибели **Магистры** более не уходят плутать в мире само-

убийц. Пока **Кладовест** является **Черным Морем** скорби, переполнен ею, **Магистры** остаются смертны...

3

Затем повествование ведется от лица Вадима. Он вспоминает гибель Кати, и то, что в **Миг Скорби** к нему вернулись силы **Магистра** (*Рассказ о Вадиме начинается с того, что он вновь теряет Катю. из-за манеры повествования кажется, что она, как и все, погибла в момент Скорби. Но до конца не ясно, когда она погибла в действительности*). Это позволило ему не сойти с ума. Он приходит к выводу, его возлюбленную вновь может спасти Сергей. Он точно знает это, и потому отправляется на его поиски. В своем путешествии он встречает Артема. Он видит, что того что-то отличает от других порождений **Мига**, и Вадим помогает ему в схватке с прочими **Магистрами Скорби**. Вадим рассказывает Артему о **Кладовесте**, о **Старых Магистрах**, о схватке Сергея с Игорем, об апофеозе Сергея. Вадим пытается научить Артема использовать **Кладовест**. Но при попытке погрузиться в **Кладовест** каждого захлестывает ощущение **Мига Скорби** – это словно **Печать**, которую невозможно преодолеть. Как бы Артем ни старался, он так и не смог преодолеть **Печать**. Вадиму же это удалось (*по тексту показать, что он ощутил Скорбь, а потом – он уже рассказывает, что ему на миг удалось прорваться через печать*). И он рассказал Артему, что причиной **Перелива** является Сергей, хотя и не понимают – как и почему? Кладовест не

позволяет им найти его. Тем не менее вместе они приходят к выводу, что раз Сергей вызвал **Перелив**, то ему по силам будет и отменить его.

4

Повествование от лица Андрея. Он так же, как и Вадим, вернул свои способности **Магистра**, однако произошло это еще до **Перелива**. Он сразу же понял, что это связано с Сергеем, ибо между ними была связь – ведь именно Андрей сделал Сергея Магистром. Он сразу погрузился в Кладовест и увидел, что грядет. Это приводит его в ужас. Он бросается к Сергею, но уже поздно...

Сергей почти прожил счастливую жизнь. Почти. У него появилась прелестная красавица жена. Они обзавелись двумя милыми детьми. Их мечты исполнялись, стоило им только приложить усилия. Это была по-настоящему счастливая и спокойная жизнь, о которой мечтает почти каждый. Эта была та жизнь, о которой так мечтал Сергей. Или думал, что мечтал. Возможно, что-то в его душе уже не могло мириться с тем человеческим, которое, он думал, есть в нем. И это самое бессознательное и перечеркнуло всё. Произошла авария. И её виновником был сам Сергей. Они ехали куда-то всей семьёй, а он был за рулем. Он допустил ошибку – вылетел на встречную полосу, не справился с управлением, и автомобиль разбился. И все пассажиры погибли. Возможно, погиб и он сам, но разве это имело значение? В этот самый момент его могущество пробудилось. Но вся его божественная

мощь, способная управлять этим миром, преобразовалась в его безграничное горе. **Кладовест** пропитался им. Случился **Перелив**, погубивший весь мир (*то есть горе перелилось словно воды через край, словно чёрные воды черного моря – созвучно Черному Магистру, отсюда и название – ЧЁРНОЕ МОРЕ*). А Сергей исчез.

При попытке погрузиться в **Кладовест** после **Перелива** Андрей оказывается не в силах преодолеть **Печать**. Он не в силах пробиться сквозь эту завесу и отыскать Сергея. Андрей задается вопросом – почему **Кладовест** вновь закрыт? Причина тому **Перелив**, или снова кто-то посмел его переписать? Андрей понял, что, ответив на этот вопрос, он также сможет отыскать Сергея. А ищет его не он один – Андрей увидел, что тем же занят Вадим. И кто-то еще. И от того, кто сможет отыскать его первым и зависит судьба этого угасающего мира.

5

Артем рассказывает Вадиму, что **Магистры Скорби** черпают свои силы, «**читая**» людей. Вадим решает, что это поможет им обойти **Печать** и найти Сергея. Они находят выживших, но вдруг происходит нападение **Магистров Скорби**. Завязывается схватка. Противников оказывается слишком много, и Вадим предлагает Артему отступить, то тот отказывается бросать людей, так как знает, что **Магистры Скорби** убивают выживших, после своего исцеления, ибо и сам раньше так поступал (*прочтенного человека Ма-*

гистр Скорби не может больше читать, поэтому чтобы он не достался противникам его убивают). Неожиданно им на помощь приходит Андрей. Его помощь позволят убить большую часть **Магистров** и прогнать оставшихся.

Однако в пылу схватки, выводя из под атаки людей, пока Андрей и Артем взяли на себя натиск Магистров, Вадим, «**прочитав**» одного спасаемых, смог открыть **Кладовест** и увидел, что Андрей был рядом с Сергеем за миг до **Перелива**. Он сообщает об этом Артему. Вместе они приходят к выводу, что именно возможно Андрей повинен в том, что сотворил Сергей. Они начинают обвинять его. Андрей требует объяснений, так как он не в курсе того, как можно обойти **Печать** на **Кладовесте**. Вадим оказывается против того, чтобы Андрей вступал в контакт с людьми, так как опасается, что связь с **Кладовестом** позволит Андрею получить могущество.

6

Завязывается схватка. Вадим и Артем теснят Андрея. В какой-то момент во время битвы, люди попадают под атаку Вадима, и только самоотверженность Андрея позволяет их спасти. Андрей получает ранения. Он начинает обвинять Вадима в злом умысле. Вадим приказывает Артему вместе добить Андрея. Но Артем сомневается, так как боится, что могут пострадать люди. Вадим мотивирует свое безразличие к людям тем, что если они найдут Сергея, то никого Перелива вообще не случится. Но Андрей просит Артема не ве-

рить Вадиму, вызывая у того подозрения на счет своего товарища. В итоге Вадим принимает решение добить Андрея сам. Артем не успевает ему помешать, Андрей отталкивает людей, чтобы те не пострадали. И тут он чувствует, что один из раненных является кем-то знакомым, но не может понять кем. Андрей и Вадим сходятся в последнем ударе. Клинки Андрея сцепились с нитями Вадима. Андрей вот-вот погибнет... и тут огромный меч разрубает их орудия – перед героями возникает Олег. Оказывается, он находился среди выживших, раненный и совершенно лишенный памяти. И когда Андрей отталкивает его, пытаясь увести от смертельной атаки Вадима, это прикосновение возвращает Олегу память, а с ним и силу **Магистра**. Андрей и Вадим не понимают, как их бывший соратник вернулся обратно из-за **Порога**. Олег рассказывает, что последствия **Перелива** отразились и на **Мире за Порогом**. Он решает вернуться обратно и исправить то, что сотворил Сергей, ибо чувствовал за собой долг перед Сергеем. В итоге ему удалось возвратиться, но ценой этому была потеря памяти и сил. И лишь контакт со **Старым Магистром** позволил вернуть то, что он потерял. Ранее Олег попал в руки к **Магистрам Скорби**, но они не смогли его «**прочесть**», и поэтому просто бросили умирать, не утруждая себя даже тем, чтобы добить.

Однако Вадим начинает сомневаться в словах Олега и указывает Артему, чтобы тот не верил. Тогда Олег решает

открыть Вадиму **Кладовест**, чтобы тот увидел, что он говорит правду. Ему говорят о **Печати**, наложенной Сергеем, но Олег с легкостью преодолевает ее и понимает, что эта **Печать** наложена не Сергеем, а кем-то иным, иначе бы он не смог ее преодолеть. И тогда все герои видят в **Кладовесте**, что **Печать** была наложена не кем иным, а самим Вадимом. Перед ними открывается правда.

На самом деле всё происходило так. Во время несчастного случая по вине Вадима гибнет Катя. После её гибели Вадим решает покончить с собой из-за чувства вины, и тут к нему возвращается память и сила **Магистра**. И тогда у него рождается план пробудить силу Сергея, чтобы он вернул к жизни Катю, как делал это раньше. Но в какой-то момент ему приходит мысль, что в смерти его возлюбленной виновен сам Сергей, ибо именно он сделал мир таким, какой он есть и всё происходит по его установке. И теперь мало того, что он хочет вернуть Катю, так еще и отомстить ему. И он делает так, чтобы семья Сергея погибла по его же вине. Перед инсценировкой несчастного случая Вадим меняет **Кладовест**, чтобы впоследствии никто не узнал правду. Однако все идет не по плану. Сергей не просто возвращает силы **Магистра**, а возносится до **Порога**, происходит **Перелив** и **Миг Скорби**. Печать на Кладовесте становится непреодолима даже для самого Вадима, и потому ему не удастся сразу найти Сергея, и потому он пускается на его поиски. Зачем? Вадим сам не знает, он не знает также – хочет ли он

вернуть свою возлюбленную? Только сейчас он сам понимает, что искал Сергея лишь для того, чтобы увидеть его отчаяние и скорбь, дабы насладится своей мстостью, а не в надежде вернуть свою возлюбленную...

8

Сергея кидает по волнам черной воды. Он, то погружается в пучину, то его вновь выбрасывает на поверхность. Повсюду бесконечное **Черное Море**, бесконечный океан скорби и отчаяния. Он не может дышать, вода заполняет его легкие. Каждый вздох, что удастся осуществить, разгорается огнем невыносимой боли. И когда очередная волна тянет его под воду, он вновь оказывается за рулем автомобиля за миг до аварии. В один миг он понимает, что все хорошо, что все произошедшее лишь страшный сон, а потом все происходит, как и раньше. Все происходит заново... а потом он вырывается из пучины, делает вдох, и черные волны несут его дальше. И тут его подхватывают руки, руки его друзей Андрея и Олега...

9

Сергей возвращается к жизни и понимает, что ему нет места в этом мире и ему надо отправляться за **Порог**. Он призывает всем последовать за ним и Олегом, – даже Вадиму. Однако тот отказывается и нападает на Сергея. Тот даже и не думает сопротивляться, но против Вадима встает Артем, который в итоге выходит победителем. Вадим умирает и отправляется плутать по посмертию самоубийц.

Сергей возвращает миру его облик – он отменяет **Перелив**. В измененном мире вместо своей семьи гибнет лишь он, тем самым вновь становясь **Магистром**.

Сергей, Олег, Андрей и Артем переступают **Порог**, и вместе они запечатывают путь обратно в мир, оставшийся позади.

Четыре стены

(лирическая повесть)

*Произнесено слово или же только помыслено –
это можно понять, только если его услышит
кто-то другой...*

– Где ты? Кто с тобой?

– Никого. Я, моя персона и я сам.

Джером Д. Селинджер «Над пропастью во ржи»

1

Я либо умер в четырёх стенах,
И это просто смертный бред,
Иль может быть душевный мрак
Затмил благоразумья свет.

А может быть всё это правда,
И я действительно в счастье купаюсь.
Но почему всё кажется странным?
И почему я во всём сомневаюсь?..

2

Как же хочется выйти, кто б знал,

Но скован я незримыми цепями.
Я сам себя давно сковал
В темнице четырьмя стенами.

Боль тела, не дающая покоя,
Страх безрассудный в голове.
Я одиночеству сдаюсь без боя
И мучаюсь на медленном огне...

Там за стенами море смеха
Живых и незнакомых мне людей,
И только дверь – что за помеха! –
Мне не даёт пойти туда скорей!

Ладонь ложится на дверную ручку,
Её вращает против часовой,
И отпирается замок беззвучно –
«Давай иди! Господь с тобой!»

Но взрывом раздаются голоса,
Из них веселье пропадает.
Я не могу пойти туда –
Ладонь дверную ручку отпускает.

И щёлкнул радостно замок –
Теперь уж точно не уйти.

Потом, потом я точно б смог,
Сейчас же снова взаперти.

3

Какой же яркий тёплый свет!
И так много повсюду людей,
Помимо свежести ничего нет,
И с каждым мигом мир светлей!

Но я вспомнил ту темницу –
Светло-зелёные обои,
Что проникали ржавой спицей
В моё сознание адским зноем.

Шесть тысяч сто тридцать полосок
Легли на зелень этой стены,
Что забирались в мозг без спроса
И отравляли тьмою сны.

Как в комнату я ту попал?
Сколько долго там я находился?
И как оттуда я удрал?
Свет истины мне не пролился.

Где я только силы взял,
Чтобы вырваться из плена.

Я совсем не понимал,
Но я счастлив переменам.

Лоток, где продавалось эскимо,
Холодные напитки, даже пиво.
Я взял клубничное одно –
Джем растекался по нему игриво.

Вкус наполнял всего меня.
Хотя и маленькое – это счастье,
Не помню, ел его когда.
Что помню я помимо той напасти?

Витрина бликом привлекла,
От мыслей я своих отвлёкся.
Я устремил взгляд на себя
И снова будто бы осёкся.

Обычно мешковатую одежду
Сменили шмотки бутиков,
Они были новы и свежи,
Светились радугой цветов.

Я пробежался по карманам,
В них обнаружил кошелёк.
И денег в нём было не мало.

Откуда столько? Невдомёк.

Выходит, что сейчас живу.
Мир ярок, светел и огромен,
Но только стены, коль взгляну
В себя, туманят взгляд зелёным...

4

Кипятильником нагретая вода —
Всё к чаепитию готово.
Я ненавижу чай всегда,
Но нету ничего другого.

Сотню раз прочитанная книга
И фильм, что уже знаю наизусть.
И мир застыл — в нём нет ни сдвига,
В нём только сплин, хандра и грусть.

Вид унылый из окна —
Многоэтажки бесконечной чередой,
Всё пронизает пустота,
Наполненная болью и тоской.

Сон явился незаметно,
Ведь время здесь остановилось.
Оно молчит мне безответно.

Мне вроде, помню, что-то снилось.

Но кто-то тарабанит в дверь,
И грохот раздирает перепонки.
Я удержать сон не сумел
И лишь смотрю ему вдогонку.

Там за стенами суета,
Тяжёлые шаги, и смех, и крики.
Меня одолевает тошнота,
И в тело впились будто бы вериги.

Я умоляю – Замолчите!
«А ты встань, выйди и скажи...» –
И я молчу, глаза закрыты,
И звуки под подушкой не слышны.

Нис вновь песком в глаза сыпал –
Я в сон валюсь, прям в никуда,
И там я вновь это увидел –
Лишь рельсы, шпалы, поезда...

5

Как странно, ведь ты знаешь точно,
Не скрывая правды от себя,
Что всё плохо, что всё тщётно,

И не будет счастья никогда.

Но сейчас совсем наоборот,
И серость вся сменилась цветом,
Фортуна улыбнулась – прёт!
Хоть всё казалось безрассветным.

В лучах солнца я купаюсь,
Светом греет небосвод,
Я по городу слоняюсь,
Шепчет музыкой айпод.

Слова песен слились в фон,
Гуденье улиц разбавляя.
Я смотрю перед собой,
Ничего не замечая.

Всё летней зеленью сияло,
И ветерок листвою шептал,
И вдруг подумал я: «Как странно» –
Когда осину увидал.

Ветви её роняли злато,
Слав письма павшею листвою.
И было вовсе не понятно
Зачем же тронула рукой

Своею осень это древо,
Избрав его среди других.
Моё лицо вдруг стало серым,
Ведь вспомнил я всё в тот же миг.

К её раскидистым ветвям
Лишь руку протяни – коснись,
И я на подоконник встал,
Открыл окно и глянул вниз.

Ещё лишь шаг и – пустота,
Осина за окном тому свидетель,
В ничто сведётся высота.
Но одурманен я и бледен.

И вдруг в дверь постучали громко,
Дверная ручка завертелась,
И замер я у самой кромки –
Куда-то подевалась смелость.

И морок сдуло сквозняком –
К двери я мигом во всю прыть,
Но в ожидании пустом –
Замок снаружи не открыть...

Я в царстве Ниса? В мире грёз?
Или в плену шизофрении?
Куда же чёрт меня занёс?
Где в этот раз меня забыли?

Я замер, огляделся всюду –
Район мне вовсе не знаком,
И потому стоять не буду,
И двину дальше напрямиком.

Старый вокзал остался позади,
Перрон закончился давно,
Одни пути лишь впереди,
Куда идти мне всё равно.

Железная дорога вдаль уводит,
Блистая сталью рельс своих.
Со мною ничего не происходит,
И мир спокоен, свеж и тих.

И небо в паутине проводов,
Земля исполосована металлом.
Узнать б сейчас – я в мире снов?
А в остальном дело за малым...

Я знаю их – они мои друзья,
Нам вместе столько вспомнить можно!
Но им сейчас смотрю в глаза,
И думаю я вдруг – и что же?

Они мне кажутся чужими,
Молчанье вновь несёт неловкость
Я стал другим? Они – другими?
Я ухожу в другую плоскость.

Они друзья, и мне – чужие.
Во мне бурлит противоречье,
Мы друг для друга вновь немые,
Меж нами ныне бесконечность.

И то, и это, всё и сразу,
Чувство одно поверх другого.
Эмоций сонм столь несуразен!
Безумье здесь, и нет былого...

8

Я вновь в плену четырёх стен,
И одиночество довлеет надо мной.
Здесь никогда не будет перемен,
Лишь хуже будет с головой.

От зелени обоев веет хворью,
Таблетки горькие, запитые водой,
Уже не хочется бороться с болью,
И книги всюду свалены грядой.

Несвежая одежда, мятый плед.
Нет сил и нет желания подняться.
Всё сумрачней и холоднее свет,
Сильнее начинает тьма сгущаться...

9

Друзья ушли вперёд, мы поотстали.
Я и она, мы вместе, мы вдвоём,
Держась за руки, в унисон шагая,
Навстречу ночи мы идём.

И мириады ярких звёзд
На нас глядели, не таясь,
Но что-то видимо стряслось –
Решила вдруг одна упасть.

И метеор, низвергнутый с небес
Оставил росчерк света за собой.
И до того, как он совсем исчез,
Ты указала на него рукой.

– Смотри! Нам повезло, любимый,
Мы загадать желание вправе.
И взгляд её такой счастливый,
Она вся радостью сияет.

И не колеблясь ни секунды,
Ты сразу же произнесла:
– Давай, и ты и я, не будем
Мы расставаться никогда!

– Давай... – я тихо говорю,
В суть твоей речи не вдаваясь,
А сам на поезда смотрю,
Что в моих мыслях представлялись.

Её лицо – оно прекрасно,
Что невозможно не любить,
Но я гляжу так беспристрастно,
Со мной не может сего быть.

Я не могу быть счастлив с ней,
Не смею верить в своё счастье.
Проснуться мне бы поскорей
В темнице той раскрытой пасти.

А впереди кричат друзья:

– Куда пропали? Эй, вы где там?
– Мы здесь, – им говорит она,
Но мне ответ совсем не ведом...

10

Железная дорога, провода,
Столбами связанные в цепь,
Они повсюду и всегда,
Конца и края для них нет.

Пустых товарняков вагоны
В плену забытых ржавых рельс.
Безбрежность, пустота и воля –
Набор вот ощущений весь.

Но вдруг раздался свист колёс,
Идущего на всех парах состава.
Ударил в уши гром на сотню гроз,
В след этому земля затрепетала.

Цистерн, вагонов вереницей,
И бог не ведает набитых чем,
От горизонта самого границы
Он ехал, управляемый незнамо кем.

Гудок пронзительный и долгий

Привлѣк моѣ внимание, и я
Оглянулся, сбитый с толку,
От ужаса вдруг закатив глаза.

На встречу ещё поезд мчался,
Визжа железными шасси
Я между ними оказался –
Меж двух огней, и не уйти.

Меня на части словно разрывает,
Мне на ногах стоять всё тяжелей,
И воздухом горячим обжигает.
– Давайте! Проезжайте поскорей!

И снова грохот, визг и скрежет.
И взрыв! И поезд с рельс слетел.
Всё это слух до боли режет.
Я умирать так не хотел...

Ударная волна схватила крепко
И вознесла над огненным столпом.
Я – в пламени, как в океане щепка,
Невольно растворяюсь в нём...

Сменились смогом городским.
Автомобильные сигналы
Слух возвращали и глухим.

Я отворил глаза, и что же вижу –
Стою на перекрестии дорог,
Машины с каждым мигом ближе,
И не смотря на зной я весь продрог.

Динамики срываю с головы,
Кидаю плеер на асфальт.
От поездов мне не уйти –
Я слышу их колёсный гвалт.

Визг тормозов, треск стёкол битых,
Глухой удар столкнувшихся машин,
Наполненные болью вскрики.
И я бегу куда-то что есть сил...

12

Ни на секунду не сбавляя бега,
Я с подоконника срываюсь.
Мне до земли не менее парсека.
И от видений я скрываюсь
В безбрежном океане злата,
Мир заполняющих ветвей

Осины, провожающей куда-то,
Шептавшей нежно – не робей...

13

Из битых стёкол веет сквозняком,
И струнья сорванных обоев раскидало.
Дверь тарахтела сломанным замком,
Когда её вновь ветром открывало.

Стул не давал ей распахнуться –
Это последняя преграда.
Я не могу никак проснуться –
В ушах вагонов канонада.

Пинком стул отправляю в угол,
Дверная ручка вновь в моей руке,
Если сказать, что я испуган
Так значит промолчать вообще.

–Я не пойду, – себе шепчу,
Руками слёзы утираю,
Но ручку на себя тяну
И порог переступаю.

Сердешный роман

(лирическая повесть)

*Прими собрание пёстрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессониц, лёгких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.*

*Пересмотрел всё строго –
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу...*

А. С. Пушкин «Евгений Онегин»

I
Внук славной той Екатерины,
Чей образ чтим через века,
Наделал зла, ну что ж, простим мы,
И осуждать не станем зря.
А может мы его пеняем,

Но вовсе нет его вины.
Чего за зря всё тут решаем
Дела минувшей старины?
Он Александр – император
Великой, Доблестной Руси!
О нём все помнят, каждый знает,
Но знать ли мог об этом ты?
Нет, думаю, наверно вряд ли
Знаком, читатель, ты с порядком,
Что становить хотел отец,
Но не успел – сыночек-малец
Дорваться к власти всё ж сумел,
Как говориться – смел и съел.
Быть может даже поневоле
Он трон таким путём достиг,
Ведь знают все ещё со школы,
Что Павел жертвой пал интриг.
Глупец пошёл на поводу
И сам привёл себя к концу.
Но Александр с этих пор
Держал в душе своей укор,
Себя всё пуще проклинал,
Хотел раскаяться, но знал,
Что нет теперь ему прощенья,
А самому себе же мщеньем
Не помочь, так полно грусти и хандры!

На то ведь все они цари,
Что духом должны быть сильны,
И думать нужно о стране,
И только после о себе.
Но рана рваная в душе
Забыть ему о той вине
Позволить так и не смогла,
И грусть с ним всюду и всегда.
Шли годы царствия его —
Зачем вдаваться мне в детали?
Ведь наш рассказ ведь не о том
А как мы ранее сказали:
Военные селенья, хутора,
Павла покойного мечта.
Чтоб жили все, как он хотел,
Как в армии, в солдат манер.
Чтоб делали всё по приказу:
Война, работа, свадьба, сон.
Не смог он сделать это сразу,
А после, знаете, помёр.
И вот, чрез годы, через время,
Ведомый долгом иль виной,
Поднял забытую всем тему
Наш император молодой.
И повелел своим законом
Учередить по всей стране,

Свидетелем был люд придворный,
Эти селения к весне...

II

Не раз петух уж прокричал,
Как будто б новый день призвал,
Но власти тут он не имеет.
Приказам не внимать не смеет
И ни один живущий здесь
В одном из сотен тысяч мест,
Где людям взвален был их крест,
Что несть придётся чрез года
И даже после того дня, когда
Весть декабристов навсегда
Вселится в русские сердца.
Повсюду силились внести порядок,
От глубины садовых грядок
До отношений меж людьми,
Как в службе боевой, так и в любви.
Порой всё доходило до абсурда,
Когда начальство в месте людном
По списку называло имена
Кто муж здесь будет, кто жена...

Ну что ж, знакомьтесь, эта дева,
Кой отроду семнадцать зим,

Как сладкий персик, сочный, спелый,
Чей образ так неотразим,
Венчает имя Ольга, данное отцом
Ещё каким воякой, удалцом,
В году двенадцатом Бородино прошёл
Солдатиком обычным молодцом.
Сейчас служил в одном таком селенье
Похожем будто на плененье.
Так вот, волнуящ новый день
Так трепетен стук сердца молодого
Ведь ровно в семь
Им свидеться удастся снова...

Младой солдат, зовут Владимир,
Всё время шепчет это имя:
– О, Ольга! Ольга! Я люблю!
О как же встречи этой жду!
И образ он её хранит,
И сердце, счастьем он наполнил,
Он ждёт, но время не спешит.
Свет блещет яркой вспышкой молний.

Их встреча помнится обоим,
Когда увиделись впервой
Она сбежала с дома с боем,
А он ей крикнул вслед: «Постой!»

Подняли всех солдат на ноги
Девицу наглую искать.
Родители же молят бога
Благую весть о ней узнать.
Ольга просить его взялась,
Чтоб не сказал – она нашлась,
И рассказала своё горе,
Когда её в горячем споре
Решили выдать прямо в жёны.
– Насильно выдать замуж дочь? –
Сказал в ответ ей наш Владимир,
Что отпустил бы её прочь,
Но не имеет такой силы,
Что зря она так убежала,
Ведь далеко ей не уйти.
Она и так всё это знала,
Так лучше бы домой пойти.
Владимир с ней переживал
Хотел помочь, но как не знал...

Отец рассержен: «Под замок!»
Так воспитать её не мог,
И виновата здесь жена,
Так разберётся пусть сама.
– Дочурка, Оленька, пойми,
Ведь наша доля такова,

Что никуда нам не уйти,
Сказал отец, значит должна.
– Но как же так?! Я не хочу!
Я не могу, ведь не люблю.
Отец опять стал причитать,
Зачем ей книги дал читать
Французских глупых дураков,
И вот итог сейчас каков –
Родная дочь дерзит отцу!
Какая глупость – не люблю!
Отец велит, так не перечь!
Ну, бабы! Всё, проели плешь...

III

Растили хлеб, войне учились
И на царя за долю злились,
А время шло, и жили люди.
Мечты, что счастье у них будет
Держала в мыслях наша пара.
Но будет это? Бог лишь знает.
И вот сказала как-то Ольга,
Что выйдет замуж, если только
Любимого назначит перед ними,
Заведомо решив, что это наш Владимир.
Отец немного поворчал,
Но всё ж согласие он дал,

Ведь не было любимей никого
Помимо дочери родной...

Но жаль напоминать простые вещи,
Что времена сейчас зловещи,
Что правит бал обычный бюрократ
И сделать дело будет рад
Лишь только б выгода была
Не для других, а для себя.
Ведь Ольгой поражён был каждый,
И все до одного женою жаждут
Увидать её,
И ради этого пойдут на всё!
Но дальше всех пробился Дмитрий
Сын офицера, среди видных
Воевод, один из важных здесь господ
Что у руля имеют пост
И выше, чем имеют рост...

Ольгин отец пошёл к начальству
По доброй памяти просить,
Что было б плохо и к несчастью
Любовь в сердцах молодых убить.
Его заверили с пристрастьем,
Что каждый будет только счастлив,
Если помочь им всем удастся

Обоим людям молодым.
Отец в ответ: «Благодарим»
Поклон отвесил аж до пола
И этому к тому же кроме
Гостинцев воз отдал им полный...

Не нужно прятаться теперь,
Их радости душевной нету края!
Держась за руки через дверь,
В собраний зал вдвоём ступают.
И как уж раньше повелось
Здесь объявлять решение стали,
Но вдруг тут страшное стряслось –
Подлые люди их предали.
В приказе новом оглашалось,
Как по велению молодых,
Что Дмитрий с Ольгою венчались
В словах обычных и простых
На днях, в ближайшую неделю.
– О, боже! Как же это смели?! –
Кричала Ольга вся в слезах –
Мечты все обратились в прах.
Отец её весь сам в расстройстве –
Таким обманом просто скотским,
Когда смотря прямо в глаза
Его все заверяли, что он зря

Так беспокоится о дочке
И хорошо всё будет, даже очень.
Однако видим, как всё стало
И Ольга в обморок упала...*

IV

В колоду сложены недели,
Перемешались словно карты.
Мы изменить что-либо не сумели,
Но разве в этом виноваты?
Волей-неволей, но пришлось
Забыть о близком этом счастье,
И через боль, рыданий сквозь
Дать Дмитрию своё согласие.
А тот довольный, словно кот
Украд хозяйскую сметану,
Пир закатил, горланит тост:
– Я с Ольгой генералом стану!
Владимир же как будто умер –
Не в радость в жизни ничего,
Похожим больше стал на труп,
Что будет дальше всё равно.
И тут из Петербурга напрямиком
Пришёл приказ вместе с гонцом –
Солдат поставить ровным строем,
На горизонте блещут войны,

Отчизну надо защищать,
Вперёд, солдаты, воевать!
В первых рядах Ольгин отец
За ним Владимир, наш юнец,
Хоть в пламя ада держат путь
Одно б отсюда умыкнуть.
Утихли войск ушедших барабаны,
Отпраздновали сразу свадьбу
Дмитрий сиял как новый рубль
В слезах дрожали Ольги губы.
Я был на празднике на том
Проездом только впопыхах,
И вам хочу сказать про то
Что веселей в похоронах...

Вы отложите своё чтение —
Об этом вас прошу затем я,
Чтоб в полной мере вы смогли
Течение время ощутить,
Которого минуло много,
Считать не будем очень строго,
Но опустить совсем не вправе
Тех лет, которых не исправить...

V

На поселениях военных,

Детины двух государей,
Страдали тысячи военных
И столько ихних же семей.
Каких же мук все натерпелись!
Чего им вынести пришлось!
И в бунте если проявляли смелость,
Встречалась им царёва злость.
Терпенье русское известно
Всем да и каждому везде,
Но также вам скажу я честно
Такую ненависть нигде
Вы не найдёте никогда,
Как ни в российских деревнях,
Когда народ с такою волей
Терзать берутся через край,
И всей своей он страшной болью
Господ на вилы вздёрнет, знай...

Когда корнет позвал к начальству
Он как всегда спокоен был,
Но а теперь дрожали пальцы
Былых печалей шёпот всплыл.
Владимир смотрит в пустоту
И вспоминает деву ту,
Которая красивей прочих,
Любил которую он очень.

Её улыбку, ясны очи,
Изгибы губ, желанных сочных.
Все эти образы сменялись
И в мыслях складных всё мешались.
На заседании военном
Задач поставили сполна,
Но о военных поселеньях
Вопрос поставили сперва.
Как оказалось, в том районе,
Откуда наш Владимир родом,
Внезапно вдруг из подчиненья
Ушло военное селенье.
И руководство поручило
Владимиру, не без причины,
Восстанье это прекратить
И всё селенье захватить.
Деревню долго штурмовали,
Однако же село не взяли.
Владимир понял всё прекрасно,
Что ничего так не удастся,
Поэтому позвали подкрепленье
Ну а пока взялись за укрепленья...

VI

Владимир Родину любил,
Исправно и душой служил.

Но то, что должен по приказу
Родимый дом он взять обязан
Подняло в мыслях сей вопрос,
Ведь в этом деле он не гость.
И самому тут жить пришлось
В милитаристских поселениях,
Одной цепи был скован в звеньях,
Не понаслышке знает быт,
Где от житья такого выть
Ты начинаешь вровень волку,
Да это только всё без толку.
И вот народ многострадальный
Не смог уж более терпеть,
Единой силой дружной встали
В борьбу за волю иль на смерть.
И что же делает Владимир?
Им путь к свободе перекрыл,
Хоть с ним плохое только было
Но разве этим заслужил
Простой солдат или крестьянин
Теперь влачить существованье,
Под градом пушек умирать
И милость бога призывать?
Да ни за что! – Решил он твёрдо,
Валяться лучше телом мёртвым.
«Зачем всё дальше продолжать?

Не стану больше я молчать!»
Тот час связаться со столицей,
Чтоб справедливости добиться
А если всё же не удастся,
Решил тогда в бега податься –
Уйти в родимые места,
Оставить службу навсегда,
И с земляками вместе драться,
Пока их судьбы не решаться...

Но мысли вдруг его прервали,
О вновь случившимся сказали.
Пришли Владимиру известья,
Что из селенья неизвестный,
Какой-то царский офицер,
Сюда к войскам прийти сумел.
– Немедля привести ко мне! –
Сказал Владимир в полусне.
Его как громом поразило,
Когда он Дмитрия увидел,
Но виду всё ж не показал,
Что подлеца сего узнал.
А тот представился по форме
И стал докладывать по полной.
Владимир от него узнал,
Наверно то, что ожидал –

Когда солдаты бунт подняли,
В тот миг оттуда и сбежал он,
Хотя при этом говоря,
Что долг солдатский исполнял.
Не смог Владимир не спросить:
– А ни могли бы уточнить,
Как же там женщины и дети?
И Дмитрий тотчас же ответил:
– Почти все скрылись в погребах
Но что печётесь о врагах?
Они же встали против власти,
Их уничтожить нужно значит!
– Но не могу понять вас я,
Ведь среди них ваша семья?!
– Конечно, у меня жена,
Но что хочу сказать вам я,
Когда всё это началось
Она попала под обстрел,
Я, кстати, еле уцелел,
Но была ранена она...
– Постойте! Но она жива?!
– Да, хоть и задело тяжело.
– И вы оставили её?!
– Конечно, служба ведь главней,
Ведь нету ничего важней...
Владимир еле смог сдержаться,

Чтоб не ударить подлеца –
Кулак его еле разжался,
Видеть не мог его лица.
Тот час позвал он караульных,
Чтобы убрали с глаз долой
И без какого-либо шума
Исполнили приказ простой...
Сию минуту же Владимир
Оставив прочие дела,
Начал писать письмо в столицу
Что помощь больше не нужна.
И быстро дав распоряженье,
Остановить чтоб наступленье,
Отправился быстрее в деревню,
Осталась где его любовь
С надеждой, что увидит вновь...

VII

Их разлучили очень жёстко,
Как будто оплеухой хлёсткой
Её ударили в том зале
Когда за Дмитрия сказали
Женой идти без лишних слов,
И сделать это ей пришлось,
Ведь сообщили по секрету,
Не выполнив приказов этих,

Она Владимира губила —
Иначе б ведь его убили.
Из жизни он её исчез
Такой пустой и серой,
И понесла она свой крест
Путём страдания умело.
Сейчас казалось апогея
Достигла боль души и тела —
Горело пламенем раненье,
Она аж смерти захотела.
Отец и мать стояли рядом,
Наверно это лишь держало
В оковах жизни ненавистной
И смерть почти родной и близкой
Для Ольги стала в этот час
И слёзы потекли из глаз.
Сейчас она одно хотела
С ним оказаться хоть на миг
Рук ощутить прикосновение
И увидеть прекрасный лик...

Тут сердце Ольги застучало,
Когда она вдруг увидала,
Что к ней идёт её любимый
Герой истории Владимир.
«Не может быть, я, верно, брежу,

Негоже ведь обманом тешить
Себя, когда я умираю.
Это не правда, точно знаю...»
Но этот призрак не ушёл,
Напротив, к ней он подошёл
Стал на колени перед Ольгой
И улыбнуться смог ей только.
В глазах его стояли слёзы –
Ведь умереть она не может!
Но они всё же потекли,
– Если ты сможешь, то прости,
Прости, что я тебя оставил,
Что причинил столько страданий.
– Владимир, что ты говоришь?
Ведь не за что себя коришь.
Никто из нас не виноват,
Что наша жизнь сложилась так
Всё, о былом давай забудем,
Ведь мы с тобою просто люди.
И протянув к нему ладонь –
Тот час откликнулася боль,
Произнесла она слова:
– Владимир, я люблю тебя.
– Я тоже, Ольга, больше жизни!
Я не оставлю тебя, слышишь!
Он нежно взял её за руку,

В глазах читая Ольги муку,
И губы их соприкоснулись
В столь долгожданном поцелуе.
Но это всё ж произошло
И её сердце замерло...
Он Обнял Ольгу что есть мочи,
Забыв о всём о мире прочем,
Оставшись с ней в воспоминаньях,
Застыв безмолвным изваяньем,
Беззвучно плача и шепча
Свои последние слова...

VIII

На то письмо, что наш Владимир
Скорей отправил в Петербург,
Пришёл ответ, да вместе с чином
Так неожиданно и вдруг.
В послании том сообщали,
Что, как Владимир и просил,
Селенье это оставляли,
И бунтарей всех царь простил.
Всё объяснялось очень ясно,
С какого боку ни смотреть,
Ведь Николай теперь у власти
И он решил, что больше нет
Необходимости в селеньях

Всем ненавистных и военных,
Что Александр учредил –
Всё ж здравый смысл победил...

IX

Хоть так хотел бы я закончить сей роман,
Но это будет, к сожалению, обман
Финал истории был, не секрет, иным,
И мы читатель лучше промолчим.
Но всем известно, что полвека
Ещё народ в оковах гнил,
По прихоти слепой от человека,
Что боль свою не утолил...

X

Ну что ж, моё повествованье
Нашло и свой теперь финал.
И огорчаться я не стану,
Если настиг меня провал.
Ведь всё же вы да прочитали
Всё то, что смог я написать,
За что премного благодарен –
Я большего не мог и ждать.

*Кто б ни был ты, о мой читатель
Друг, недруг, я хочу с тобой*

Расстаться нынче как приятель
Прости. Чего бы ты за мной
Здесь ни искал в словах небрежных
Воспоминании ли мятежных
Отдохновенья ль от трудов
Живых картин, иль острых слов,
Иль грамматических ошибок
Дай бог, чтоб в этой книжке ты
Для развлечения, для мечты,
Для сердца, для журнальных ошибок.
Хотя б крупницу смог найти
За сим расстанемся, прости!

А. С. Пушкин «Евгений Онегин»

xxx

Дома заперся
Зевая за перо взялся,
Хотел писать – но труд упорный
Ему был тошен, ничего
Не вышло из пера его.

А. С. Пушкин «Евгений Онегин»

Только из жадности к словам
Я сохранил другой финал,

Рождённый мозгом воспалённым
Из-за отсутствия идей.
Явилось это делом плёвым,
И потому ещё глупей.
И всё ж удумали читать?
Позвольте же мне передать
Агностикам почтенье и привет,
Упадку духа яркий след,
В последних строках я пишу
И добрых отзывов не жду...

...Сыграли свадьбу очень скоро,
Когда утихли всё же споры.
Ольгин отец, как и Владимир,
И гарнизон солдат за ними
Посланы с боем на Кавказ,
Где мы про них кончаем сказ.
Минуло время, наша Ольга
Поизнывала страшной болью,
Да и забыла обо всём,
И с Дмитрием они вдвоём,
Когда селенья отменили,
В столицу быстро укатили.
Весельем, балом, маскарадом
Закончить повесть эту рад бы,
Но не читать такой финал –

Я новости печальные узнал:
Убит в бою был наш Владимир
А что об Ольге нашей милой
Известия какие? А?
Боюсь, что тоже померла –
Чахотка у неё была.

Морали нет здесь никакой –
Ответ даю всем очевидный.
Попался вам поэт плохой,
Ведь сразу было это видно.
Но в разговоре очень частном
Вам смысл повести скажу,
Что в мире этом всё напрасно,
А лжи банальной не люблю!

Снегопад

(лирическая повесть из раннего творчества)

*Mes amis, vous ne trouvez pas,
c'est qu'il vous trouve.*

*Друзья мои, не вы находите,
а вас находят. (фр.)*

*Вопросов так много, а главный один –
Его не спутать ни с чем.*

*Мы чаще других его говорим,
Вопрос проклятый: Зачем?*

*Зачем? За что? Почему?
Кто даст, наконец, ответ?
И жизнь прожив свою всю,
Ты понял – ответа нет...*

I

*Не мог поверить, что на свете
На этом может столько счастья
Дано быть даром человеку,
И сомневался не напрасно.*

Любовь меня лишь окружала
Родных и близких, и друзей,
И та единственная рядом —
Я был счастливей всех людей.

Не зря же всё же говорится —
Беда приходит не одна.
И на кого теперь мне злиться?
За что так прокляла судьба?!

Разбился мир мой как хрусталь,
Душа не вынесет сей раны.
И как всем ни было бы жаль,
Мне горя всё же не убавить.

Какая ни была бы смерть
Она несёт одно страданье.
И оправдания ей нет
От данных ею испытаний...

II

Произошло всё очень быстро,
Как в кошмаре предрассветном.
За спиной раздался выстрел,
Как предвестник скорой смерти.

Мы смотрели друг на друга
Ни на миг не отрываясь,
Прилетела когда пуля,
Смерть неся и убивая.

Она вдруг сжалась и обмякла,
Дыханье вмиг оборвалось,
Что с ней случилось не понятно,
– Любимая! Ну что стряслось?

Я посмотрел в её глаза
И в них увидел страх и боль.
И я запомнил навсегда
Вопрос проклятый: Как? За что?

Я вмиг весь мир возненавидел!
Хотел уйти вместо неё.
Жить смысла я теперь не видел
Вопрос вторя: За что? За что?

Кто стрелял? Зачем? Не ясно,
Мне не дал никто ответа
Умерла она напрасно
В тот проклятый вечер лета...

Встают вопросы пред людьми
Где справедливость в этом мире?
Что вдруг случится, коль убить?
Но никого не осудили.

Нет, дождь не лил – светило солнце,
Свет радость нёс своим теплом.
Реальность дней была всё тоньше
И всё казалось страшным сном.

Но не спасал, звенев, будильник,
И холм могилы не пропал,
И люди всё не уходили.
Их ненавидел, хоть и знал,
Они со мной боль разделяют –
Страдания матери, отца,
Что всё на свете проклинают,
Как мир земной, так и Творца.

Печаль, апатия и слёзы
Легли печатью на пришедших
Но человек сей не серьёзен –
Хихикал, словно сумасшедший.

Народ, скорбящий, озираясь,
Смешков виновника искал,

Но взгляду тот не попадался,
Но снова где-то возникал.

Он был средь всех, но был один,
Никто его не замечал.
Ко мне свой взгляд он устремил
Но кто он? Я пока не знал.

Безумьем налиты глаза
Улыбка скалит его губы
Кто он такой? – Зачем слова?
Понять без слов совсем не трудно.

Один лишь взгляд на его лик
И станет всё тебе известно
Зачем он пред тобой возник?
Знать не хочу я, если честно.

IV

Я ожидал его весь день
Как с похорон я удалился.
И как спустилась с ночью тень
Сей человек ко мне явился.

Он не возник прям ниоткуда,
Не появился из земли –

Дверь отворил я после стука,
И мы с ним в комнату вошли.

– Итак, мой друг, расклад простой.
Твоё желание исполню,
Верну её я в мир людской –
Одно условие лишь помни.

Тобой та сказанная фраза:
«Хочу вместо неё уйти!»
Прими же это безотказно
И сможешь тем её спасти!

А то смотри – она погибла,
А ты живее всех живых.
Осталась лишь одна могилка...
– Не надо, чёрт возьми, заткнись!

Мы только находились дома
И вдруг на кладбище стоим.
Вокруг и в сердце ветер стонет
Держаться больше нету сил.

– Fermetagueule?* А ты послушай, (*Заткнись? – фр.)
Ты в силах это изменить.
Он указал на холм цветущий,

Тот, что венками был укрыт.

– Qu'est-ce qui se passé?*(В чём дело? – фр.)

Ты не любишь больше её?

Не сводил с меня он глаз.

Я понял, что готов на всё.

– Ну что же, друг мой, D'accord* (Договорились – фр.)

И он мне руку протянул

С улыбкой, как Чеширский Кот,

И я пожал её, вздохнув.

Словно в тиски рука попала,

А он всё жал, сильнее, сильнее.

– Теперь послушай что же надо,

Чтобы вернуть её скорей...

V

«В честь заключения договора

Ко мне ты в Nord* должен прийти, (Север – фр.)

Уйти из жизни добровольно –

Не трудно способы найти...»

Таблеток горсть, стакан воды,

Решимость, собранная вся.

Ради неё готов уйти

Из этой жизни навсегда.

Но тень сомнения пришла –
А правильно ль я поступаю?
Решив отдаться смертным снам,
Дальнейшей жизни избегая.

Но нету более желанья,
Чем вновь увидеть её лик,
И ощутить прикосновенья
В столь долгожданный мною миг,
Когда сольёмся в поцелуе
В объятьях наших томных тел.
И ей шепну: «Тебя люблю я»
– Люблю и я, – она в ответ.

Рукой пройдуся по волосам
Прикосновеньем нежным,
Отдамся в плен её устам.
Как океан безбрежный
Плененьем месяца-луны,
Несусь я прям на скалы
Но не достигну высоты –
Придёт отлив усталый.

Мы друг от друга далеко

И расстояньем и душой,
И мне отнюдь не всё равно,
Что не могу я быть с тобой.

Я горсть таблеток проглотил
И лёг спокойно умирать,
Тем самым жизнь ей посвятив
И что теперь? Но мне ли знать?..

VI

Лица касалось что-то,
Взывая мне покинуть сон.
Я осознал – дышу как будто, –
Стоп! Подождите, я – живой?!

Вдруг словно иглами пронзило
Мне тело, холодом сковало,
И резко дрожью охватило,
Дыханье отдавалось паром.

С небес валили хлопья снега,
Я кое-как на ноги встал,
В нём утопая по колено,
Подуло ветром – я упал.

Вокруг безбрежная пустыня

Снегов белесых, хладных льдов,
И здесь стою совсем один я –
Колотит так, что нету слов.

Ветра продули до костей,
Без устали стучали зубы,
И я упал бессильно в снег –
Одно желание уснуть бы.

В снега зарывшись с головой,
Увидел я и застонал.
Завыл б от ужаса любой,
Лишь увидав этот кошмар.

Сплелись в объятьях льда тела,
И вроде мёртвые они,
Но жизнь в них выдают глаза –
В лицо ты только им взгляни.

Откуда-то взялись силы
На ноги встать и побежать,
Желая лишь не оступиться,
Чтоб вновь их глаз не увидеть.

Но вот споткнулся, вскинул руки,
Как кто-то вдруг меня схватил.

Страх отдавался в сердце стуком,
Поднять глаза – уж нету сил.

– Sirepidement?* Я не думал,
(– Так быстро? – фр.)
Что ты придёшь в мои края,
Но раз всё так, то мы не будем
Стоять без толка здесь зазря.

Ну что? Готов ты идти дальше?
Путём, который выбрал сам?
Или остаться пожелаешь,
Чтобы оставить душу льдам?

Оскалился довольно так –
Аж дурно от его улыбки!
– Теперь уж нет пути назад,
Другой не дам тебе попытки...

VII

Небо красным слепило глаза,
В ушах звенела канонада,
Лютый мороз сменила жара,
И вокруг рвались снаряды.

Что за война это была?

На чьей я стороне воюю?
Никто ответов мне не дал —
Да и не надо, ведь умру я.

Вскоре атака началась —
Враги стеною наступали.
Мне ещё рано умирать,
И автоматом застучал я.

Затем разверзлись небеса,
И полетели на земь бомбы.
Враги бежали кто куда,
А мы держали строй свой ровный.

Настало краткое затишье —
Ну, наконец-то! Боже мой!
Мы сбились вместе — те, кто выжил,
И разговор у нас пошёл.

Все говорили, что же будет,
Как только кончится война,
Кто в мирной жизни как поступит,
Молчком сидел один лишь я.

Но сам ведь выбрал этот путь
И не жалею ни о чём.

И не успел я и взгрустнуть,
Как враг пошёл вновь напролом!

Их самолёты прикрывали,
Защиту разбивая вдрызг!
Вражьи солдаты наступали!
Зачем? Зачем столько убийств?

Наш командир вскричал: «Вперёд!!!»
И крик: «Ура!!!» – понёс нас в битву.
Меня вдруг ранило в живот,
И я упал на земь убитый...

VIII

Лицо, замучено и грязно,
Девичьей красотой сияло
На фоне красноты ужасной
Она мне ласково сказала:

– Держись, родной, прошу, солдат.
Я тебя в лагерь дотяну,
Смотри не вздумай умирать
Там доктора! Тебя спасу!

Я лишь бессильно застонал,
До ужаса хотелось пить,

Живот горел, огнём пылал,
От боли мне хотелось выть.

Слёзы отчаянья из глаз
Моих лились, я тихо плакал.
Мне довелось опять упасть —
Со своей целью я не сладил.

— Оставь меня, прошу тебя,
Своё отжил уже давно,
Мне не спастись уж никогда,
А умирать где всё равно.

Она не слушала слова
Что я, хрипя, ей говорил,
Меня таща, упорно шла —
Не я один о том просил.

Вдруг заревели самолёты,
Над нами в небе проносясь,
С небес посыпались бомбы,
На землю грешную несясь.

И взрыв за взрывом! Приближаясь,
Неслась к нам смерть на всех парах!
Я за сестру переживая,

Преодолев и боль, и страх,
Ее закрыл своей спиной,
Приняв осколки на себя.
Она лишь крикнула: Постой! –
Но всё затмила темнота.

IX

«Я там дарую тебе жизнь,
Её закончи как герой,
Чтоб в Sud* небесный вознестись (Юг – фр.),
Ведь грех простят тебе любой.

Самоотверженность всегда
Ценилась Им больше всего,
Откроют пред тобой врата,
И ты тогда найдёшь её.

Лишь загляни ты ей в глаза,
И она к жизни воротится,
И уж придёт тогда пора
Тебе за всё мне расплатиться!..

Я помню свет! О, сколько света!
Он был повсюду, он был мной.
Где нахожусь – понятно это,
Но разве здесь я не чужой?

И вдруг лицо её увидел.
О, как же я по ней скучал!
Чего хотел, вот и достигнул,
Но от чего на ней печаль?

Х
Судьбы по прихоти случайно?
Злым роком? Вездесущей Ка?
Пистолет из чёрной стали
Попался в руки паренька.

Зачем ему он? Не понять.
Не важны здесь ответы.
Ведь как приятно обладать,
Держать источник смерти.

Он шёл по улице вечерней,
В руке сжимая пистолет.
Вдруг осознал чутьём наверно –
За ним следят! Но что за бред?

Никто не знает, что за ношу
В кармане куртки держит он,
И точно понял, что – не сможет
И сразу захотел домой.

Но этот странный человек –
Он был повсюду и везде,
Он издавал кошмарный смех,
То шёл навстречу, был в окне,
Машиной правил на дороге,
Мелькал под светом фонарей,
Прохожим был прошедшим сбоку...
Страх становился всё сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.